

Максим МАРУХ

ЛЮДИ ЖЁЛТЫХ ПЛАЩЕЙ

16+

@ЭЛИТА

Максим Марух

Люди желтых плащей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23178027
Марух М. Люди жёлтых плащей. Фантастический роман: ЭИ
«@элита»; Екатеринбург; 2017*

Аннотация

Группа подростков оказывается в эпицентре «розового дождя», превращающего всех, кто не сумел укрыться, в «прокажённых» – безумных тварей, не знающих покоя и пощады. Чтобы выжить и найти родных, друзья пускаются в опасное путешествие по городу, завоёванному вирусом бешенства.

16+

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Розовый дождь	7
Глава 2. Костя-Дима	20
Глава 3. Бешенство	34
Глава 4. Супер-Арсенал	47
Глава 5. Бойня	67
Глава 6. Люди жёлтых плащей	88
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Максим Марух

Люди жёлтых плащей

© ЭИ «@элита», 2017

* * *

Посвящается моим друзьям

Пролог

Не знаю, как мы дошли до этого. Почему? Что мы здесь делаем? Сейчас это уже неважно. Неужели пришла пора умирать?.. Я не хочу верить в это. Оглядываю друзей: Арт, Витос, Ванёк, Михась. Младший брат Женя. Все остальные. Внутри темно, не могу подсчитать точно, сколько нас здесь. Слышу только тяжёлое дыхание, чую пропитанный страхом воздух. Кто-то надсадно кашляет. Пришлось уходить быстро, бежали, как сумасшедшие... Опускаю ладони на колени – мои ноги ещё дрожат.

Мы заперты. Надёжно – внутрь никто не прорвётся. Но нам от этого не легче. Снаружи в железную дверь бьётся волна сумасшедшей силы. Волна неистовой злобы, волна безумия. Волна смерти. Я не боюсь, что она хлынет внутрь, я боюсь, что она не даст нам уйти. А время тает. Через полчаса, а может и меньше, город накроет военная артиллерия. И не оставит здесь камня на камне.

Тяну за рукав брата. Он поворачивается: «что?». Исхудалый, взмыленный, встрёпанный. Губы бледные, как у вампира. Не знаю, что сказать. Наверное, стоит попрощаться – так, на всякий случай. Но сил нет. Сил нет даже на это.

Нет, так не годится! Сейчас отдышимся и осмотрим место. Нужно найти другой выход: люк, окно, подземный лаз. Время на исходе, но мы можем успеть покинуть город. Сда-

ваться рано. Нужно отдышаться и найти фонарик. Нужно
только встать...

Глава 1. Розовый дождь

21:20

Последний день привычного нам мира. Обычное воскресенье. Обычный вечер. Обычная встреча друзей. Знай мы, что она окажется последней – придумали бы что-нибудь поинтересней.

Но мы не знаем, и устраиваем вечер покера. Стол, фишки, карты, бутылка виски – ничего особенного. Собираемся, как обычно, у нас в цеху – если это можно назвать цехом. Скорее, большая лестница, построенная на участке частного дома и оборудованная для сборки жалюзи – наш с братом маленький бизнес. Для покера здесь есть всё, что нужно, небольшая зона отдыха обставлена вполне уютно. Диван, кресла, компьютер, заменяющий музыкальный центр. Как будто предчувствуя скорую беду, из всей музыки на винчестере я выбираю «In the house/In a heartbeat» Джона Мерфи.

Братья Воронюк, Виталик и Артём, уже здесь, Михась немного опаздывает. Женя разливает по стаканам виски, я раздаю первый кон. Игра начинается спокойно, мы ещё не втянулись, обмениваемся свежими новостями и шутками. По телевизору идут новости. На военном полигоне где-то под Оренбургом взорвался очередной склад с боеприпасами.

Я нажимаю кнопку, и экран гаснет.

21:40

Звонит Михась – он подъезжает. Спрашивает, не докупить ли чего, но у нас всё есть, и мы говорим ему тащить свою задницу быстрее. Из телефона доносится раскат грома. Михась сообщает, что погода быстро портится, но мы и так это знаем: через секунду звук грома докатывается и до нас. Я закрываю в цеху все окна и возвращаюсь к игральному столу. Арт вслух выказывает недовольство: только утром помыл машину. Женя и Витос смеются над какой-то шуткой. Я смеюсь над «везучестью» Арта. И правда, ещё утром ничто не предвещало грозы.

22:00

Первый раскат грома напоминает треск лесоповала. В окнах дрожат стёкла. Через секунду за ними бушует ливень. Мириады водяных капель при столкновении с землёй шипят, как жир на сковородке. Мы пропустили по паре стаканчиков, и игра идёт веселее. Я включаю камеры наружного видеонаблюдения, чтобы встретить приезд Михася заблаговременно. На секунду задерживаюсь перед монитором, заворожённый пляской дождевых брызг. Инфракрасные глазки видеокамер обесцвечивают картинку, и на экране ливень

больше похож на метель.

– Звони этому тормозу! – говорит Витос, когда я возвращаюсь за стол.

Я ещё раз набираю Мишу.

«Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Я гоню от себя плохие мысли и снова вглядываюсь в монитор видеонаблюдения. Ничего, кроме дождевого вихря. Брат заново наполняет мой стакан, и я бросаю карты на стол. Пас.

22:15

Наконец появляется Михась. В левом верхнем секторе экрана, передающем изображение с камеры номер четыре, я вижу его машину. Она заезжает на подъездную дорожку и останавливается перед воротами. Игра прерывается, я надеваю куртку и иду встречать гостя. Артём тоже решает сделать паузу: в нашей компании он единственный курильщик. Я открываю дверь, и Арт перестаёт обуваться.

Перед нами стена дождя.

– Да ну его на... – Артём стягивает туфель, который успел надеть. – Потом покурю.

Однако мне нужно идти, сам Миша не войдёт. Накрываю голову курткой, выскакиваю на улицу и мчусь по дорожке к воротам. Дождь хлещет в спину тугими струями, под ногами вода вперемешку с грязью чмокает и разлетается во все сто-

роны. Дождь наполняет воздух запахом сырости, и этот запах кажется мне незнакомым. Тяжёлый, приторный... Что-то чужое витает в пространстве, изгибаясь под танцующими плетьюми воды, что-то инородное. А может, мне просто кажется.

Михась ждёт меня за воротами. Стоит, как ни в чём не бывало, и я не сразу замечаю над ним чёрный колпак зонта. При виде моей сгорбленной фигуры на его лице появляется улыбка. Не будь мне сейчас так холодно и мокро, я б тоже улыбался. Чёрт, у кого-то машина и полдня не проездила чистой, а у этого зонт! И ведь ничто не предвещало грозы...

00:12

Мы уже изрядно навеселе. Я почти проигрался – моего стэка хватит разве что на пару раздач. У Витоса положение не лучше. Артём и Женя в плюсе, Михась при своих. Виски почти кончился, и нам хочется ещё. Поднимаем вопрос о том, стоит ли ехать в магазин за спиртным. Женя предлагает вызвонить Ваню – он по ночам «таксует» и всегда на колёсах. Но идея не успевает получить развития.

Дождь прекращается так же внезапно, как начался. Просто в один момент всё разом стихает, и мы слышим это столь же отчётливо, как удар грома. Однако тишина нездоровая. Что-то мешает ей, мутит её. Мы почти одновременно кладем карты на стол и прислушиваемся.

– Что это? – произносит Женя и подходит к окну.

Я следую его примеру. Звук нечёткий, и Женя открывает окно.

Его лицо вытягивается:

– Вы слышите?

Мы слышим. Звук напоминает гудение пчелиного улья. Нет, даже не улья... Как будто рой Лангольеров всего в паре километров от нас принялся поедать планету. Это толпа. Шум толпы. Десятков и сотен людей – их вопли переходят в стоны, крики в рык. Они зовут, умоляют, угрожают. Или у меня разыгралось воображение?..

– Закрой, – вдруг просит Артём.

Я знаю, он произнёс это рефлекторно: гудение за окном не только у него вызывает отвращение.

Но мы, конечно, не закрываем. Вместо этого кидаемся к выходу. Я пытаюсь найти свою обувь, и мой взгляд натывается на кроссовки Михася. Чёрно-голубые, но шнуровка на них белая. Точнее, когда-то была белой. Сейчас она испещрена бледно-розовыми пятнами, совсем свежими.

– Куда ты влез? – спрашиваю у Михася, запрыгивая в свои мокасины.

Женя и Витос, толкаясь, тоже пытаются обуться. Арт ещё на диване, дожидается, пока освободится место у двери.

Михась недоумённо разглядывает кроссовки. Его брови собираются у переносицы, свидетельствуя об активной мыслительной деятельности. Потом выпрямляется и поднимает

свою куртку. На чёрной коже поблёскивают капли дождя.

Что-то заставляет меня взглянуть и на свою куртку. Она тоже кожаная, но тёмно-коричневая. Капли на ней такие же чёрные, как и на Мишиной. Тогда я просовываю руку в карман и достаю платок. Белый и свежий – я платками редко пользуюсь.

Провожу платком по куртке и показываю всем.

Михась выглядит озадаченным, но почти не удивлён. Женя и Витос замирают, потрясённо разглядывая платок. Арт встаёт с дивана и подходит к нам.

На платке, собравшем дождевую воду с рукава моей куртки, отчётливо видны розовые разводы.

00:30

Женя хватается за дверную ручку и плечом преграждает нам путь на улицу.

– Вы чо, нельзя выходить! – сквозь зубы шипит он, делая страшные глаза. – Там какой-то кислотный дождь!

Миша тем временем повторяет тест с платком на своей куртке. Результат тот же, разве что платок стал ещё розовой.

Я чувствую, как моё сердце уходит в пятки. Мысль: «мы вляпались в серьёзное дерьмо» встаёт перед глазами огромным реющим транспарантом.

Между тем шум на улице усиливается: толпа Лангольеров приближается. Я поднимаю глаза на экран видеонаблю-

дения, но там тихо. Только белая крыша Мишиной машины посверкивает бисером капель в свете уличного фонаря.

– Дождь кончился, – замечает Виталик.

Шум манит его в той же степени, что и отталкивает. Я испытываю сходные чувства. Мы должны выйти отсюда.

Миша принюхивается к своей куртке, смотрит на нас:

– Ну, вообще-то, запаха никакого.

Запах есть. Концентрация розовой дряни на куртке слишком мала, чтобы почувствовать её в закрытом помещении, но запах есть. Он был, когда я бежал открывать ворота. Он и сейчас там, стоит только выйти и принюхаться.

Мы выходим. Дорожка от цеха до ворот узкая, и мы бежим друг за другом, вытянувшись в колонну. Передо мной маячит кудрявый затылок Михася, мне в спину дышит Витос. Запах исчез – я принюхиваюсь изо всех сил, но не чувствую ничего, кроме сырой земли и мокрого бетона. Различить цвет сошедшей с небес воды в темноте невозможно, но я знаю, что она розовая. Всё вокруг розовое. От этой мысли кожа на спине идёт мурашками.

С грохотом распахиваем железные ворота и вываливаемся на улицу. Сначала мне кажется, что переулок пуст. Наш участок расположен в частном секторе, рядом с тюрьмой, места здесь тихие, за всю ночь одна машина проедет. Потом я понимаю, что мы не одни: у ворот смежного участка выше по улице стоит соседский пацан. То ли Костя, то ли Дима... Ему лет восемнадцать – наш ровесник, ужасно толстый. Мы

с ним почти не общаемся, «привет-пока», вот и всё.

Завидев нас, толстяк поднимает ладонь в приветственном жесте.

– Здоров, – говорю ему. – Тоже слышишь эту фигню?

– Угу, – кивает он. На его лице беспокойство. – Возня какая-то. Будто...

Он замолкает, пытаюсь подобрать нужное слово, но я опережаю его:

– ...днём. Как будто днём.

Да, теперь я могу классифицировать непонятный шум. С улицы он уже не кажется таким устрашающе близким. Мы далеко от эпицентра, это точно. Непонятная какофония напоминает голос бодрствующего города: гул машин, звуки человеческой деятельности – составные части привычной тишины в разгар дня. Вот только на дворе ночь.

Пока мы стоим, внизу переулка, по дороге, тянущейся вдоль тюремной стены, пролетает на дикой скорости несколько машин. Витос и Женя сбегают вниз на разведку. Я вижу, как Женя выскакивает на дорогу и пристально всматривается вдаль, пытаюсь различить хоть что-то. Но там ничего. Как и на нашем переулке, кроме нас с Костей-Димой на улице ни души.

Арт пытается дозвониться куда-то. В губах зажата сигарета. Заметив мой взгляд, сообщает:

– Сеть перегружена.

Я поворачиваюсь к Михасю:

– Что думаешь?

На лице Михася выражение собранной задумчивости учёного. Он и есть учёный – во всяком случае, будущий. В нашей компании он самый старший, учится на втором курсе физфака РГУ. Одно из качеств, заслуживающих моё уважение – он тщательно обдумывает вопрос, прежде чем ответить.

– Не знаю, – пожимает плечами он. – Слушай, Макс, я, наверное, поеду.

Он обеспокоен, по-настоящему обеспокоен. Не могу судить его за это: дома ждут родители. Живёт он в «западном» микрорайоне, а это довольно далеко отсюда. Там же, кстати, сейчас находятся и мои родители...

– Слышь, Михась, может, не стоит пока никуда ехать? – говорит Арт, не отнимая телефона от уха. Я знаю: он тоже звонит родителям. – Нездоровая фигня.

Михась набирает на мобильнике номер отца. Сеть перегружена.

Мы почти протрезвели, от бывшего веселья не осталось и следа.

– А ну-ка набери моим, – говорю Арту.

– Уже. Никому не дозвониться.

Мне беспокойно. Мы с братом живём с родителями на «западном», а в цех приезжаем работать или встречаться с друзьями, как сегодня.

Михась принимает решение:

– Ладно, пацаны, я поехал, – он решительно протягивает нам ладонь.

Мы по очереди жмём её.

– Спасибо за вечер.

– Дай знать, как приедешь – говорю я. – Кинь сообщение «вконтакте», что ли. Я сейчас включу комп.

– Окей.

Миша отъезжает от двора, когда возвращаются Виталик и Женя.

– Михась, ты чо, всё? – кричит ему в приоткрытое окно Витос.

Михась в ответ машет рукой. Машина выруливает на дорогу, вспыхивают красные стоп-сигналы. Мокрый асфальт, кирпичная стена тюрьмы, ещё не опавшая листва на деревьях – всё загорается алым.

Или розовым?..

Мы провожаем машину взглядом, пока она не исчезает за стеной магазина.

– Ну, что там? – спрашиваю у пацанов.

– Да фиг его, – отвечает Витос. – Пр'икинь, мы сначала думали, бунт в тюр'ьме.

– Да вроде уже затихает, – Женя вытягивает шею, прислушиваясь. – Может, там драка какая-то? Толпа на толпу?

Мне тоже кажется, что стало потише. А может, мы, как говорится, просто «прислушались»? Ведь дневная и ночная тишина – всего лишь дело привычки.

– Ладно, пойдём в дом.

Мы возвращаемся к воротам. Я смотрю вверх по улице – Костя-Дима куда-то исчез. Краем глаза замечаю на том месте, где он только что стоял, чёрный холмик на земле. Потом закрываю дверь.

01:20

Перед тем, как вернуться в цех, я заглядываю в дом к бабушке. Взамен на разрешение построить у неё во дворе производственное помещение, мы с братом присматриваем за ней, так что у нас что-то вроде симбиоза. Из спальни слышен её храп, и я немного успокаиваюсь. Возможно, мы переполошились понапрасну, а виной всему разборка местных гопников и литровая бутылка виски. Не удивлюсь, если завтра окажется, что цветные пятна на одежде – всего лишь подтекающая с ворот ржавчина. По пути к цеху я почти убеждаю себя, что обрушение телефонных сетей – курьёзное совпадение.

Машина Арта стоит во дворе, рядом с моей. Мы ещё днём решили, что сегодня они с Витосом заночуют у нас, поэтому когда я захожу в цех, оба брата раскладывают диван. Я лягу на полу, а Женя пойдёт ночевать в дом, так что места всем хватит.

Но пока Женя здесь – сидит у компьютера, пытаюсь пробиться в Интернет. Судя по выражению его лица, ничего не

получается. Почему-то я не удивлён.

– Завязывай, – говорю ему. Выпитый виски даёт о себе знать: мои глаза слипаются. – Оставь комп включённым. Может, прочухается. Я через пару часов встану, проверю «вконтакт».

Арт совершает ещё одну попытку дозвониться хоть куда-то.

– А сеть по-прежнему недоступна, – с ухмылкой произносит он.

03:30

Меня будит телефонный звонок. Сбрасываю одеяло, рывком поднимаюсь на ноги. Нет, мне не приснилось, звонит мой телефон! С дивана слышится возня братьев Воронюк, они тоже разбужены полночным звонком. Хватаю с тумбочки телефон: «Михась». Я не успеваю нажать на кнопку приёма...

Б-БАХ!

Звук взрыва прокатывается по гипсокартонным стенам нашей летницы вибрирующей волной. В оконных рамах дрожат стёкла. Рвануло далеко, но так мощно, словно на соседнем участке.

Втроём, почти одновременно, вскакиваем на ноги. В полумраке помещения фигуры братьев напоминают силуэты костлявых привидений. Телефон в моей руке по-прежнему

звонит. Я включаю трубку:

– Алло?

На другом конце линии Михась успеваёт выкрикнуть всего одно слово:

– ОТКРОЙ!

Потом раздаётся ещё один взрыв.

В одних майках и трусах, успев натянуть лишь обувь, выскакиваем на улицу. Сон ещё не отпустил до конца, происходящее вокруг кажется нереальным кошмаром. Я добегаю до ворот первым. Краем сознания отмечаю зажёгшийся в доме свет – Женя тоже проснулся. Нет времени возиться с замком – выдёргиваю засов и распахиваю ворота настежь.

Первым вижу даже не Михася, а его машину. Белый «Митцубиши», ещё два часа назад абсолютно новый, сейчас полностью разбит. Правое боковое зеркальце отбито начисто, левое болтается на проводах. Капот, бампер и оба крыла выглядят так, словно кто-то поработал над ними бейсбольной битой. В центре лобового стекла белый клубок стеклянного крошева, пускающий во все стороны паутину трещин. В центре клубка темнеет кровавое пятно.

Потом мой взгляд переключается к Михасю. Второй раз за ночь он на моём пороге, но теперь больше не улыбается.

На его лице ужас.

Глава 2. Костя-Дима

03:35

– МАКС, ЗАКРЫВАЙ! – Михась отпихивает меня в сторону и сам захлопывает ворота, но я успеваю заметить творящийся на улице хаос.

Горящие люди. Люди в огне, вот что я вижу.

Меня словно пронзает тысяча крохотных иголок. Язык прилипает к нёбу, в ногах появляется слабость. Я чувствую на плечах чьи-то холодные руки, и только спустя мгновение понимаю, что это Арт. Пятясь назад, я чуть не отдал ему ноги. А может, в моих плечах он искал поддержки?

Ко мне возвращается слух. То, что он доносит до мозга, отвергает в ступор. Воздух переполняют человеческие голоса. Десятки, сотни голосов – я и не подозревал, что в нашем забытом богом микрорайоне живёт столько народу. Голоса молят о помощи, вопят от боли, проклиная от отчаяния. Но страшнее всех те, что служат прослойкой между ними. Словно отравленный крем в слоях «наполеона», эти звуки являют собой смесь рыка и визга живьём жаримого на электрическом стуле смертника. Звуки перемежаются безумным гиеновым хохотом. Пожалуй, так должен смеяться Сатана на комедиях Чарли Чаплина.

Мы поворачиваем головы в ту сторону, откуда гремели взрывы. Далеко на западе в небе пылает зарево пожара. Потом в ворота со стороны улицы врзается человеческое тело.

ББ-ОМ-М!

Зловещий гонговый звук и треск ломающихся под плотью костей приводят нас в чувство. Мы отшатываемся от вибрирующих ворот и отступаем вглубь двора.

Фонарь над тамбуром заливает всё тусклым жёлтым светом.

– Максим, что происходит?! – из дверей тамбура на меня смотрит перекошенное лицо брата.

Я слышу, как в глубине дома вопит благим матом бабушка.

– Пацаны, в дом! – командует Михась. – Быстрее! Быстрее!

Мы вваливаемся в тамбур, и Женя закрывает за нами дверь. Не разуваясь, ломимся на кухню. Бабушка уже здесь. В белой ночнушке, доходящей ей до колен, она напоминает карлика в шутовском наряде Пьеро.

– Максим! Максим! – повторяет она снова и снова. Кажется, это всё, что она может сказать. Глаза лезут из орбит, лишённая вставных зубов челюсть жуёт губы. – Максим!

Она совершенно не понимает, что происходит. Возможно, решила, что мы ввязались в драку, или что начался Армагеддон. Признаться, в вопросе осведомлённости я недалеко ушёл от неё.

– Ба, иди в комнату! – кричит на неё Женя.

– Максим! Максим!

– Я сказал, иди в комнату! Быстро!

По щекам старухи катятся слёзы. Женя почти силой выпихивает её из кухни.

– Юра! Юра! – теперь она зовёт моего отца. – Я позвоню Юре! Я сейчас позвоню Юре!

– Ба, всё нормально! – пытается уговорить её Женя. – Сейчас мы придём!

Из спальни доносится надрывный старушечий плач. Сквозь всхлипы я слышу, как она повторяет: «Война... война началась...»

Пока брат борется с бабушкой, мы пытаемся допросить Мишу. Но из этого мало что выходит. Мой друг в глубоком шоке. Впервые вижу его в таком состоянии... да что там, впервые вижу вообще кого-то в таком состоянии. И то, что доносят мои глаза до мозга, ужасает в не меньшей степени, чем то, что происходит сейчас на улице.

От моего внимания ускользает момент, когда Витос потрошит столовые ящики. Вижу его уже вооружённым – в обеих руках поблёскивают сталью длинные кухонные ножи.

Это выводит меня из ступора. Подбегаю к мойке и набираю стакан холодной воды. Первый залп летит в лицо Михаилу, второй – в зелёную маску, в которую превратилось лицо Арта. Следуя моему примеру, Витос подсовывает голову под струю проточной воды.

Пацаны матерятся и фыркают, но я вижу, что вода пошла им на пользу. Недолго думая, плещу водой себе в лицо. Принимаю от Витоса нож с зазубренными краями и сразу передаю Мише.

Какое-никакое, но оружие в руке придаёт тому силы, и он наконец обретает дар речи.

03:50

– П...ц! – первое слово, что мы слышим от него за последние десять минут, и первое матерное слово, что я слышу от него за последний... месяц? А то и того больше.

В своей речи Михась старается избегать мата, и то, что он снова вернулся к нему, странным образом подбадривает меня.

В кухне появляется Женя. Даже не взглянув на нас, подбрасывает под себя стул и, запрыгнув сверху, достаёт с шифоньера в дальнем углу кухни старое зазубренное мачете. Давным-давно мачете купил на птичьем рынке отец, чтобы рубить осоку, он у нас заядлый рыбак. Сталь – полное дерьмо, там и сям уже прихвачено ржавчиной, но лезвие заточено отлично, и уж точно не хуже затупленных о сотни хлебных буханок ножей.

При виде мачете в руках брата по кухне прокатывается полувздых-полусмешок.

Что-то снова бьётся в ворота, и мы вздрагиваем. Бабушка

в спальне принимается причитать.

– Михась, объясни, что происходит! – снова обращаюсь к Мише.

Тот кладёт руки мне на плечи, едва не выколов при этом глаз ножом, который сжимает в кулаке.

– Макс, – говорит он, стараясь сохранять в голосе твёрдость и пристально глядя мне в глаза, – пацаны, – обводит взглядом остальных, – я всё расскажу, но только позже. Сейчас... – его голос даёт слабину, – ...сейчас нам надо пережить ночь...

Звучит страшно. Я оглушён услышанным. На задворках сознания различаю, как Женя бесконечно тянет: «Что-о? Что-о?».

Потом беру себя в руки:

– Хорошо. Понял. Объясни хотя бы, кого бояться.

Михась отходит на середину кухни, берёт со стола ещё один нож и вручает Арту. Последний нож достаётся мне от Витоса. Теперь мы все при оружии. А впрочем, хорошо бы добраться до сарая и достать парочку топоров.

– Всех, кто попытается прорваться в дом. Задерживаем их... задерживаем их любыми способами.

– Задерживаем! – насмешливо вскрикивает Витос. – Мочим на фиг!

В моей голове уже прокручивается план обороны. Дом имеет три слабых места. Первое – спальня брата. Единственные два окна, выходящие на улицу, находятся именно там.

На ночь их закрывают ставнями, но разъярённая толпа снимет их с петель, даже не потрудившись поискать щеколду. Второе – собственно, сами ворота. Третье – двор, в который незваные гости могут проникнуть через смежные участки. Заборы у нас из профнастила, символические.

– Так, – говорю я, – слушаем меня. Женя с Артом возьмут спальню. Михась, ты берёшь ворота. Карауль, и если что – зови нас. Мы с Витосом возьмём остальной участок и будем неподалёку. Если двор удержать не получится, баррикадируемся в доме.

Цех, как убежище, я даже не рассматриваю. Гипсокартонная коробка и хилая шпонированная дверь – не самая лучшая защита.

Друзья кивают.

– Убивайте всех, кто нападёт на вас, – напоследок говорю я.

Говорю серьёзно. Я готов убивать. Сейчас я почти верю в это.

– Убивать, – эхом отзывается Арт. Его лицо – камень, губы – тонкая нитка. – Да, убьём.

Никогда не замечал за ним признаков жестокости. Но сейчас он – не он. Все мы – не мы.

– Мочить на фиг! – кричит Витос так, что на висках вздуваются вены, а руки сжимаются в кулаки.

– Только осторожней, – вставляет Михась. – Не запачкайтесь кровью. Она... короче, может быть заразной.

04:40

Это самая долгая ночь в моей жизни. Даже не ночь – утро. До рассвета всего два часа, но мне они кажутся вечностью. Творящееся за пределами видимости безумие бьёт по нервам, неведение сводит с ума. Пару раз мне кажется, что кого-то на соседнем участке в буквальном смысле рвут зубами заживо. Звук клокочущей в горле жидкости вызывает кровавые ассоциации. «Не испачкайтесь в крови. Она может быть заразна», – сказал Михась. Что он имел в виду?

Нам поразительно везёт. За сорок минут на наш участок не позарилась ни одна тварь. На другом участке – там, где живёт со своим семейством (младшим братом и родителями) Костя-Дима – вот уже с полчаса бушует нешуточное сражение. Дикий рык перемежается женскими воплями, мольбами и звоном бьющейся посуды. Слов не разобрать, но я знаю: если мы дотянем до утра, живым я Костю-Диму больше не увижу. Один раз что-то грузно врежется в забор с той стороны, выгнув панель профнастила. Мы с Витосом, к тому времени вооружённые найденными в сарае топорами, готовимся вступить в бой, но неизвестная тварь решает не продолжать таран, и отступает.

Я стараюсь всё время держать Михася в поле зрения. Тот выбрал один из углов ворот для засады и, притаившись там, ждёт вторжения. Со своего места я не вижу, но знаю: в его

руках пара ножей, и я молюсь не увидеть их до самого рассвета.

Каждые пять минут забегаю в дом на десять секунд, проверить Женю с Артом. Они в спальне, оба нашли для себя укрытия и тоже ждут момента, которого никогда не хотели бы дожидаться. Поразительно, но ставни до сих пор закрыты – наш дом словно оберегает невидимое силовое поле. Бабушка у себя в спальне сидит на кровати и, кажется, молится. Пусть молится. Какая-то польза от этих молитв всё-таки есть – они отвлекают.

Возвращаюсь к Виталику. Тот притаился у стены сарая и не сводит глаз с участка дяди Вити, нашего соседа справа. Отвратительные горловые звуки прекратились несколько минут назад, и сейчас оттуда исходят грохот бьющегося стекла и треск ломающейся древесины. Похоже, нападающие осадили двор и теперь громят дом – огромный трёхэтажный особняк из итальянского кирпича. Ну что ж, по крайней мере, это займёт их на какое-то время, пожить там есть чем.

Мы так напряжены, что не смеем даже переговариваться, боясь спугнуть удачу. Соседи по обеим сторонам нашего участка, скорее всего, уже мертвы, а мы остаёмся нетронутыми, как будто защищённые их жертвой. Их смертью. Я гоню от себя чувство вины, совершенно неуместное в вопросах выживания.

Небо на востоке выбеливает поднимающееся солнце, но

мы почти не замечаем этого. Звуки побоища тоже понемногу стихают. Им на смену приходит стук колотящегося в груди сердца. Даже не подозревал, что оно может биться на такой бешеной скорости.

– По ходу, заканчивается... – слышу шёпот Витоса. – Да, Макс?

Я хочу ответить «да», но боюсь сглазить. Вот когда закончится совсем, тогда и поговорим. Однако моё сердце понемногу переходит с галопа на рысь, и я начинаю чувствовать холод. Только теперь до меня доходит, что мы с Витосом до сих пор в майках и трусах. Впопыхах не успели одеться, да и не до того было. А на дворе конец сентября. Адреналин греет лучше шерсти.

Оглядываюсь на Михася. Он в джинсах и вязаной кофте, ему хорошо. Поднимет руку и легонько машет нам. Машу ему в ответ. Солнце поднимается стремительно, укромный уголок, где он засел со своими ножами, уже не кажется таким укромным. Ещё минут двадцать, и там будет совсем светло.

Потом происходит сразу несколько событий.

05:30

С оглушительным металлическим грохотом вылетает одна из панелей профнастила. Вместе с ней на огород, разделяющий дом и цех, вваливается огромная тёмная туша. В предутренних сумерках мы видим лишь силуэт. Это чело-

век, но не совсем...

В ту же секунду ещё одна тварь с улицы принимается вкочлачивать себя в ворота. Железные створки ходят ходуном. Отпрянув от них, Михась кубарем катится на землю. Вскатывается на ноги и занимает боевую позицию. Я вижу, как дрожат ножи в его руках.

– Макс! – полуистерично зовёт он. – Витос!..

Мы ничем не можем ему помочь. Случилось кое-что похуже: на участке со стороны двора Кости-Димы прорыв. Придётся действовать раздельно. У Михася своя битва, у нас – своя.

Тем временем тварь в огороде приходит в себя после сокрушительного столкновения с забором. Становится на четвереньки и роет пальцами землю. В этой туше килограмм сто двадцать, и я понимаю, что существо абсолютно голое, не считая лоскутов материи вокруг шеи и бёдер – последних остатков одежды, которые оно не успело с себя сорвать. Я вижу, как покачиваются в воздухе огромные сиськи и... гениталии. Стало быть, некогда оно было мужчиной.

Тварь издаёт нечленораздельные жующие звуки. Плохо видно, но мне кажется, что с губ клочьями летит пена. Воображение дорисовывает цвет – тёмно-розовый. Почти алый.

– АГГР-ХХ-ШШ! – выплёвывает тварь и, загребая землю толстыми ручищами, на четвереньках мчит на нас. – ШШАВРР-КХ-Х...

Она выбирает цель – Виталик. Он ближе к ней, чем я, и

находится в менее выгодной позиции. Позади него стена сарая, отступать некуда.

– Витос! – кричу я, чувствуя свою беспомощность. – ВИТОС!!!

Он успевает отпрыгнуть. Адское отродье промахивается и с жутким треском врезается в саманную стену сарая. Я удивлён, как она не проломилась под ударом – остальные три ощутимо вибрируют. Тварь мешкает, приходя в себя, и Витос пользуется моментом. С размаху бьёт топором... и промахивается.

Как можно промахнуться по такой жирной туше, я не понимаю, однако рукоять топора проскальзывает в потных ладонях, и лезвие проходит вскользь, едва ободрав твари спину. Момент упущен, и второго существо дарить не намерено. Прежде чем я успеваю сделать хоть что-то, оно валит Витоса с ног и между ними завязывается ожесточённая борьба.

Витос – сухой, жилистый, кандидат в мастера спорта по греко-римской борьбе, увлекается смешанными единоборствами и намерен достичь в этой сфере немалых высот. Но весовые категории есть даже там. И сейчас преимущество во весе явно не на его стороне. Всё, на что меня хватает – пару раз пнуть тварь ногой. Однако мне больнее, чем ей: босые ноги против одеяла из жира. Пустить в ход топор я не решаюсь. Витос может быть ранен, а кровь этого существа... «Не запачкайтесь в крови», – сказал Михась. – «Кровь может быть заразна...»

Витос оказывает неистовое сопротивление. Я бросаю взгляд в сторону Михася – тот обеими руками удерживает сотрясающиеся под ударами ворота. Возможно, стоит позвать на помощь Женю с Артом, но я боюсь оставлять Витоса наедине с этой мразью. Если он проиграет, мне не останется ничего иного, как задействовать топор...

– Сука... сука... – повторяет Витос, и вдруг полностью исчезает под студенистой тушей твари.

Две пары ног и две пары рук скручиваются невообразимым узлом... Потом, внезапно, каким-то непостижимым образом голова твари и одна из её жирных рук оказываются зажатыми меж сцепленных ног Витоса. С ужасом и восхищением до меня доходит: он выполняет удушающий приём.

– Держи! – воплю я что есть мочи. – Держи!

Тварь хрипит и неистово сучит ногами, но хватка Витоса – капкан. Я уже знаю наперёд: ей оттуда не выбраться.

– ДУШИ! ДУШИ ЕГО!

Голова и рука твари захвачены ногами Витоса. Кровавая пена стекает тому на майку, пропитывая отравленной слюной. Я могу ударить тварь топором по голове, но если она действительно заразна, кровь хлынет прямо на Виталика. С равным успехом можно раскрыть голову ему самому.

В полумраке новорождённого утра я вижу, как лицо существа начинает темнеть (а на самом деле синеть). В предсмертной агонии оно находит в себе силы приподнять вцепившегося в него, как клещ, Витоса над землёй и пару раз

хорошенько приложить об асфальт, но это ещё туже затягивает хват.

– ТА-А-А! – вопит из под туши Витос. – ТА-А-А! Т-А!!!

Тварь в последний раз взбрыкивает ногами и обмякает. Витос держит её в захвате ещё по меньшей мере с полминуты, и только потом отпускает.

Существо замертво падает на землю, перекатывается на спину. Первые лучи поднимающегося солнца ложатся ему на лицо, и я вижу, что это Костя-Дима. Теперь он точно мёртв.

06:30

Рассвет первого понедельника нового мира встречает нас благословенным затишьем. Над нашими головами раскинулось первозданно чистое небо – ни облачка. Побоище окончилось: лучи солнца в мгновение ока разогнали всю нечисть по углам. Михась удержал ворота – кроме Кости-Димы, во двор больше никто не прорвался.

Я не сомневался в этом ни секунды, но теперь у нас есть точное подтверждение: выпавший ночью дождь действительно был розовым. Всё вокруг окрашено этим мерзким цветом гламура и мракобесия. Но мы не обращаем на это никакого внимания. Мы выжили, и это главное.

Мы встречаем Женю и Арта во дворе. За минувшие два часа ни одна тварь не додумалась проникнуть в дом через окна, и это, без дураков, самое большое чудо сегодняшней

ночи. Боюсь даже представить, чем могло кончиться, если бы беснующаяся толпа выбрала своей целью не ворота, а ставни. Мы в красках рассказываем о предутреннем побоище и показываем труп Кости-Димы. Шок от вида лежащего в нашем дворе мёртвого соседского пацана сменяется восхищением, когда Жене с Артом удаётся разглядеть обезображенное неизвестным вирусом лицо. Витос удостаивается прозвищ «молоток» и «машина», и уважительного похлопывания по спине.

Мы наведываемся к бабушке. Удивительно, но она, похоже, спит. Женя сообщает, что здесь не обошлось без лошадиной дозы снотворного, и мы оставляем её отдыхать. Впятером выстраиваемся перед воротами, и Миша отпирает засов. Оглядываем друг друга, готовясь ступить в новый неизведанный мир, прячущийся от нас за железными створками. Никогда прежде мы не чувствовали себя такими живыми, как сейчас.

Потом я киваю Мише, и он открывает ворота.

Глава 3. Бешенство

07:00

Сотворение мира завершено, и настаёт понедельник новой эры. В отличие от бога, возившегося целую неделю, розовому дождю хватило одной ночи. Не знаю, как обстоят дела на остальном земном шаре, но наш локальный Армагеддон уже случился. Мы, выжившие, первые люди нового эпохи, саженыцы новой цивилизации. Мы смотрим на это диковинное, полное опасностей место сквозь открытые ворота старого мира, сузившегося до размеров земельного участка моей бабушки. Потом делаем шаг и вступаем в наш новый дом.

Мир перевернулся. На дворе день, но в городе стоит ночная тишь. Нет ни гула машин, ни людского гомона, даже звуки природы стихли – за всё утро мы не видим в небе ни одной птицы. Я с трудом узнаю улицу, на которой прожил большую часть жизни. В ямах изрытой автомобильными колёсами дороги поблёскивают тёмно-розовые лужи. Поваленный в лобовом столкновении с огромным внедорожником фонарный столб подмял несколько одноместных гаражиков. Оборванные провода чёрными змеями валяются в грязи. Сквозь треснувшие стекла внедорожника вижу мёрт-

вого водителя, упавшего разбитой головой на рулевое колесо. Ещё несколько тел лежат ниже по дороге, втоптаные в грязь обезумевшей толпой. Розовая грязь на тротуарах и в дорожных лужах маскирует кровь, но я знаю, что она там есть. Где есть смерть, всегда есть кровь.

Большинство домов варварски разгромлены и выпотрошены, ни в одном, кроме нашего, я не вижу целых стёкол. Из окна дома бабы Вали, чуть выше по улице, висит на кусках битого стекла половина человеческого тела. Вторая половина, несомненно, в доме, но далеко не факт, что обе составляют единое целое. Труп выглядит так, словно перед смертью его хорошенько пожевала Годзилла.

Первым не выдерживает Арт. Сгибается пополам, и его шумно рвёт в палисадник. Звуки падающей в грязь блевотины вызывают цепную реакцию, и вот уже мы все извергаем из себя остатки того, что осталось в наших желудках с вечера. Эту роскошь я позволяю себе в последний раз: в нашем новом мире так запросто расставаться с калориями непозволительно.

Машина Михася лежит на боку возле мусорных баков на противоположной стороне улицы. Из открытого капота торчат наружу, точно внутренности, провода и трубки. Какая неведомая сила умудрилась закинуть её туда, я не знаю, да и не хочу знать. Одной машиной меньше, но сейчас меня это не беспокоит. В нашем новом мире недостатка в машинах у нас не будет.

Крики людей доносятся до нас не сразу, мы слишком заняты процессом рвоты. Когда же, наконец, нас перестаёт выворачивать наизнанку, различаем слабые голоса. Кто-то зовёт на помощь. Голосов много, но все исходят из одного места. Бросив взгляд вниз по дороге, я понимаю: тюрьма.

– Эков бросили... – говорит Женя, отхаркивая слизь. – Ночью, видимо.

– Предусмотрительно забыв открыть клетки, – добавляю я.

Арт вытирает ладонью губы:

– Мы же не пойдём их открывать.

Мы не отвечаем ему, и это само по себе уже является ответом. В нашем новом мире нет места героизму. Слишком опасное хобби.

07:30

– Далеко не расходитесь, – говорит Михась. – Давайте сначала расскажу, что знаю.

В довольно вялом настроении собираемся вокруг него. Мы измочалены бессонной ночью, стрессом и голодом. Никому не хочется слушать новые страшилки, но иного выхода нет. Мы на территории страха и должны повиноваться его законам.

История Михася не даёт почти никакой новой информации. Возможно, она была бы актуальна часа эдак четыре на-

зад, но теперь... Теперь мы и сами с усами. Однако слушаем.

Выехав от нас, Михась отправился сразу к себе, выбрав самый короткий маршрут на «западный», Змиевскую балку. Однако до балки доехать не удалось: огромная пробка тянулась аж до зоопарка. Там он и застрял почти на два часа. Простоял бы и дольше, но обстоятельства сложились иначе.

В три часа двадцать минут по московскому времени Михась увидел первого в своей жизни «прокажённого» (так мы стали называть их после вида обезображенного бешенством лица Кости-Димы). То был мужчина, почти голый – он бежал со стороны Змиевской балки, прыгая по крышам стоящих в пробке автомобилей, словно только что прибывший из джунглей Тарзан. Когда свет фар выхватывал из мрака его лицо, на губах отчётливо виднелась пена. Но не белая, как у всех, а красная. Такая же красная, как налитые кровью глаза. Мужчина издавал отвратительные горловые звуки и неистово молотил кулаками по всему, до чего мог дотянуться.

Никто ничего не успел понять. По словам Михася, он не успел испугаться. Даже когда босые пятки прогрохотали по крыше его собственной машины, он отнёсся к этому как к досадному происшествию, о котором будет забавно рассказать друзьям. Страх появился секунд тридцать спустя, когда из красного марева габаритных огней растяннувшейся на несколько километров пробки стали появляться новые «прокажённые». Десятки, а может и сотни людей, мужчин и женщин, в изодранной или почти отсутствующей одежде, с пе-

ной у рта, изувеченных самоистязанием и абсолютно безумных. Эта армия берсеркеров уже не ограничивалась простой порчей машин – неистовые отродья нападали на людей. Выбивали стекла, вытаскивали наружу пассажиров и водителей, набрасывались на прохожих. Сбиваясь в группы, врывались в магазины и ларьки, в подъезды жилых домов – которые ещё оставались без кодовых замков. В одно мгновение воздух наполнился воплями раздираемых руками и зубами на части жертв.

Кульминацией стал трубный зов умирающего слона из глубин зоопарка. Этот звук, по уверению Михася, послужил сигналом, побудившим его к действию. Из пробки мой друг выбирался, как втайне мечтают многие – расталкивая соседние машины кузовом и бамперами собственного новенького «Митсубиши». Во время панического бегства он, кажется, на всём ходу сбил одну тварь. Опомнился только у ворот моего дома.

– Что это, как думаешь? – спрашиваю его, когда рассказ окончен.

– Дождь, – без сомнений отвечает Михась. – Думаю, в дожде была какая-то зараза.

Мы все, не сговариваясь, смотрим на небо. За последние полчаса на безупречной лазури обозначилось несколько облачков, но в целом оно остаётся таким же чистым и безмятежным. Ни единого намёка на гигантскую душевую лейку, с помощью которой бог решил заменить всемирный потоп на

всемирную мойку.

– Если зараза в дожде, – округляет глаза Женя, – то какого хрена мы делаем на улице! Надо в дом валить!

– Ну, раз до сих пор не рвём на себе одежду, значит, заразы уже нет, – отвечает Михась.

– Как это? И куда же она подевалась?

Михась пожимает плечами:

– Чёрт его... Может, вирус долго в воздухе не живёт...

– Но вчера мы под дождь попали, – напоминаю я. – По крайней мере, мы с тобой.

– Макс, я не знаю! Ты накрывался курткой, я был под зонтом. Может, он передаётся только при попадании на слизистые или в микротрещины на коже. А может, нет никакого вируса. Чо вы до меня докопались! Давайте лучше решать, что делать дальше.

– Первым делом нужно выяснить, опасно ли ходить по улицам, – чуть подумав, говорю я.

– Есть идеи?

Идеи? Что ж, с этим у меня всегда порядок.

07:50

– Дэн! Дэн! Сюда, мальчик!

Пёс послушно трусит ко мне из спальни бабушки, готовый к утренней прогулке и завтраку. Бабушка ещё спит, но сейчас она не нужна. Я сам покормлю его.

– Максим, мы не будем травить мою собаку! – настойчиво повторяет Женя.

Дэн – такса, домашний любимец и подарок брату от родителей на двенадцатилетие. Из собаки Женя давно вырос, как и из своей двенадцатилетней одежды, так что последние пару лет пёс скинут на попечение бабушке. Здесь его выгуливать проще, чем в квартире – открыл дверь и вперёд, весь двор в твоём распоряжении. Он уже старенький, но Женя ошибается, думая, что мне не жаль его.

– Ты ни хрена этим не докажешь! Может, животные этим не болеют!

– Женя, животные – главные переносчики бешенства, – пытаюсь объяснить брату.

– У нас на районе собак жопой жуй. Ты сегодня видел хоть одну больную?

– А ты видел хоть одного больного человека? Бешеные страдают светобоязнью, а гипербешеные – гиперсветобоязнью. Вот они и попрятались.

Собака уже на улице. Надев резиновые перчатки, зачерпываю в миску для еды немного розовой дождевой воды из уличного ведра, а сверху накладываю каши с мясом. Кладу миску перед Дэном, и пёс жадно зарывается в неё носом. Пока ест, пристёгиваю к шее ошейник, а поводок привязываю к газовой трубе. Крепко привязываю.

Теперь остаётся ждать.

Пёс абсолютно здоров и совершенно не понимает, чего мы все пялимся на него, как черти на ладан.

– Будем считать гипотезу Миши о неустойчивости вируса подтверждённой, – резюмирую я. – А то мы так никогда не решимся выйти со двора.

– Что дальше? – спрашивает Витос.

– Не знаю, как вы, а у меня на «западном» мать с отцом, – отвечает Михась.

– А брат?

– В командировке...

– Далеко?

– В Китае.

– Пусть там и остаётся, – бурчит Арт, закуривая новую сигарету. Я вижу, как дрожат его пальцы. – У нас тоже родители есть, вообще-то.

– Тогда решено, – говорю я. – Собираем манатки и выдвигаемся.

Две машины у нас есть: «Матис» Артёма и мой «Ниссан» по-прежнему во дворе.

– Пойду бабушку поднимать, – Женя скрывается в доме.

Михась подходит ко мне. Вид у него очень серьёзный.

– Макс, – говорит он, – поход может оказать не из лёгких. Мало ли что. Проехать по дорогам мы точно не сможем, скорее всего, большую часть пути придётся идти пешком. А,

может, и бежать...

Я понимаю, к чему он клонит. Бабушка у меня старая, всю жизнь страдает коленями, а ходит вообще, как на протезах. Ей и до туалета дойти – подвиг, что уж говорить о прогулке по населённому живыми зомби городу.

– Надо собрать припасы, – стараюсь увильнуть от щекотливой темы. – С бабушкой или без неё, нам понадобится еда и питьё.

Оставляем Женю заниматься бабушкой – проснувшись, она снова начала истерику, и кому-то нужно побыть с ней, – а сами, одевшись и заставив себя кое-как позавтракать, отправляемся к магазину Тамилы за продуктами.

Магазин единственный на нашем пяточке и живёт в основном за счёт тюрьмы. В дни посещения тут аншлаг: друзья и родственники заключённых сметают с прилавков всё подчистую. Так что мы, простые жильцы, идём у Тамилы третьим номером, что непосредственно сказывается на качестве товара. Хлеб всегда чёрствый, в холодильнике в основном просрочка, а консервы вообще опасны для жизни. Ассортимент тоже рассчитан на непривередливых зэков: сухие корма «Доширак», китайское порошковое пюре и тому подобное здесь в изобилии, два вида сыра – российский и российский несвежий, колбасы, маринованная сельдь в лотках, и вообще всё, что долго не портится.

Однако теперь это даже кстати. Как и зэкам, нам сейчас не до привередства.

В магазине, естественно, никого. В каком-то смысле нам повезло, что Армагеддон случился ночью, а не днём – больше магазинов уцелеет. Сбиваем топором навесной замок и открываем дверь. Впервые в жизни участвую в краже со взломом, однако совершенно не чувствую за собой вины. У меня есть веское оправдание, а это ещё нашим дедам помогало мочить нацистов налево и направо.

В магазине темно – полчаса назад город обесточили, а железные ролл-ставни на окнах не дают солнечному свету проникнуть внутрь. Находим самые большие пакеты и самозабвенно грабим магазин. Берём только то, что может долго оставаться свежим, а так же всё, что пригодится в дороге. В пакеты летят консервы, упаковки лапши быстрого приготовления, все виды пивных снеков – от сушёной корюшки до солёных кальмаров и свиных ушек, шоколадки и кексы, копчёная колбаса и сало, чипсы, орешки, чай, кофе, вода, кола, хлебобулочные изделия, конфеты и мармеладные шарики. Отдельный пакет Артём набивает спиртным: водка, вино, пиво и ещё раз водка. В отделе хозяйственных товаров обносит полки Витос. Туалетная бумага, брикеты мыла, спички, зажигалки, салфетки, тряпки, стиральный порошок, щётки, зубная паста и даже гелевые дезодоранты.

Через двадцать минут у каждого из нас по два тяжелых пакета в каждой руке. С чувством выполненного долга двигаемся к выходу.

Недовольное звериное урчание пригвождает нас к месту. Урчание переходит в рык, и из-под прилавка медленно выползает существо, ранее не замеченное нами в темноте.

– Твою... – вырывается у Витоса.

Перед нами собака – доберман-пинчер. Ну, или то, что когда-то было собакой. Существо явно заражено: шкура ободрана, в некоторых местах почти до мяса, вокруг ран свисает лоскутами кожа, уши откусаны под корень, вся морда испещрена глубокими кровоточащими порезами. Вокруг пасти пушистая тёмно-красная пена... Очевидно, пёс подвергся нападению заражённых сородичей, но каким-то образом умудрился спастись. Если, конечно, перерождение в кровожадную бешеную тварь можно назвать спасением.

Как он попал в магазин, для меня загадка. Что он тут делает? Ответ приходит сам собой: как и все, прячется от света. А может, охраняет еду...

– Да-а, блин... – полушёпотом тянет Витос. – Животные не болеют бешенством. Грёбаный Женя...

Стоим, как изваяния, боимся пошевелиться. Доберман собирает в гармошку изорванные губы, обнажая смертоносные (и ядовитые) клыки. Делает несколько шагов в нашу сторону, пригибается к земле, готовясь к прыжку. Я вижу, как шерсть на его холке встаёт дыбом...

– Бежим? – то ли просит, то ли спрашивает у нас Михась.

Естественно, бежим!

Бросаем пакеты и вылетаем на улицу. На задворках отупевшего от страха сознания различаю за спиной цокот когтей по кафельному полу...

На крыльце магазина бросаемся врассыпную. Михась и Арт бегут в авангарде, поэтому выбирают ступеньки. Мы же с Витосом, перемахнув через перила, спрыгиваем с крыльца и разбегаемся в разные стороны – он к гаражам, я на дорогу, к тюрьме. Слышу цокот когтей (теперь уже по асфальту), с парализующим мозг ужасом сознаю, что тварь выбрала для преследования именно меня.

Перебегаю дорогу и, ломая кусты жидкой живой изгороди, врываюсь на пешеходную дорожку вдоль тюремной стены. Цепкие ветки немного сбивают темп добермана, и я мчусь по дорожке, не чуя под собой ног. Но вот зловещий цокот возвращается, а значит, пёс тоже прорвался через зелёный заслон. Четыре лапы против двух ног очень быстро компенсируют отставание.

Снова ныряю в кусты и выбегаю на дорогу.

Что-то огромное, розово-белое, на адской скорости проносится мимо, обдав с головы до ног пурпурной грязью... Я слышу удар, треск ломающегося пластика и предсмертный собачий взвизг...

Останавливаюсь – меня больше никто не преследует. Пытаюсь вернуть сбитое дыхание. Сердце колотится где-то в горле и, кажется, вот-вот выпрыгнет из ушей. Посреди доро-

ги полубоком ко мне стоит белая иномарка с таксистскими «шашечками» на крыше. За задними колёсами тянется двадцатиметровый тормозной след, а в десяти метрах от разбитого переднего бампера лежит изувеченный труп добермана. Веер кровавых брызг покрывает правое крыло и часть лобового стекла.

– Ё... твою мать! – слышу до боли знакомый голос из открытого окна.

Потом дверь открывается, и из салона появляется грузная фигура. На лице моего друга детства испуг, смятение и радость от встречи со мной.

– Макс! – кричит мне Ваня. – Я по ходу сбил кого-то!

Если бы я сейчас мог нормально дышать, я бы плакал и смеялся одновременно.

Глава 4. Супер-Арсенал

10:00

После истории с доберманом мы приходим к единогласному решению, что нуждаемся в оружии. Пожалуй, даже больше, чем в еде и хозприпасах. В нашем новом мире без еды человек способен продержаться пару десятков дней, без воды чуть меньше недели, без сна семьдесят два часа. Без оружия ты можешь не прожить и сутки.

Забрав брошенные в магазине пакеты, мы снова собираемся во дворе. На этот раз с нами на одного человека больше. Мой друг Ваня чудесным образом появился из ниоткуда, когда никто его не ждал и, возможно, спас мне тем самым жизнь. Пусть и случайно. Мы все жутко рады его приезду, и даже на лице брата, морально истощённого сражением с бабушкой (в конце концов, нам пришлось запереть её в доме, и теперь мы слушаем её вопли с улицы), появляется тень улыбки.

Однако история его возвращения быстро развеивает поднявшееся было настроение, и мы снова впадаем в уныние. Мой друг пребывает в крайней степени перевозбуждения, от кипящего в крови адреналина его буквально трясёт, и без того немаленькие глаза лезут из орбит. Рассказ Вани спешен

и сумбурен, но мы изо всех сил стараемся понять его, замедлив от напряжения.

– Почему вы не уехали с военными?! – это первое, что мы слышим от него.

И недоуменно молчим, не зная, что ответить.

Потом Женя с Артом переглядываются, и мой брат, нахмурившись, произносит:

– Мы с Артом слышали автоматные очереди под утро. По ходу, вояки шмаляли. А вы разве нет?

Мы с Витосом и Мишей качаем головами. Уж очень заняты были небольшой свалкой во дворе, чтобы прислушиваться к тому, что творится за его пределами.

– К вам чо, не приезжали? Бли-и-н! – Ваня хлопает себя по потному лбу. – Вот сволочи! Короче, ночью военные начали эвакуацию! Макс, Женька, – он хватает нас с братом за предплечья и делает своё классическое лицо «сейчас-я-вамприятно-удивлю», – для вас у меня хорошие новости. Салагаевых увезли из города, часа в три утра примерно.

Семейство Салагаевых – наши с Женей ближайшие родственники: бабка по материнной линии, дядя с тётёй и двое их детей, наши двоюродные брат и сестра. Артёмке пять, его сестре Кате скоро десять. Их дом в полукилометре отсюда, на горе – пять минут пешком. Ваня живёт рядом, на смежной улице. В детстве мы с братом каждое лето проводили у Салагаевых, тогда же и познакомились с Ваней. Этот толстяк для меня с Женей почти как брат, а мы для него, наверное,

и того ближе.

Слава богу, первая хорошая новость за последние сутки.

– Моих тоже, – продолжает Ваня. – Я видел Салагаевых, когда сажал своих в кузов. К нам приехало три военных «КРАЗа», разбудили посреди ночи, ни хрена не объясняют. В машины, в машины! Пока будили соседей и строили всех на улице, я переговорил с одним бойцом. Короче, кабздец!

Ваня качает головой, выпятив нижнюю губу. Теперь его лицо выражает «мне-очень-очень-жаль»:

– Всё началось с «западного», и это, пацаны, – он обводит нас взглядом, – для вас всех, наверное, плохая новость. Ну, кроме Воронюков.

Братья Воронюк живут с родителями на «северном», на другом конце города. Мне кажется, или я вижу на лицах Арта и Виталика облегчение? Что ж, здесь нет ничего предосудительного. На их месте я бы реагировал так же.

– В смысле – началось? – потусторонним голосом переспрашивает Женя.

– Дождь! Заражение! Вся эта хрень! – Ваня взмахивает руками. – То, что у нас здесь было, это херня! На «западном» дождь начался раньше, и, думаете, тоже розовый? Фиг! Розовый это здесь, а у них был красный! Люди заражались очень быстро... Кому эта хрень попадала с дождём в организм, в течение часа теряли сознание. Потом... короче, потом вставали. Уже на всю башку шибзданутые.

Я вспоминаю соседского толстяка Костю-Диму. Ко-

стю-Диму, труп которого до сих пор лежит у нас во дворе. Витос оттащил его за сарай и спрятал, укрыв куском рубероида, но это всё, на что его хватило. Рыть человеческую могилу для адского отродья никто не захотел. Если загробный мир действительно существует, то пускать в райские кущи это заразное существо небезопасно. «Местные» вряд ли скажут нам спасибо за ещё одну эпидемию.

Стало быть, эпицентром заражения стал наш с Мишей родной район. Район, где живут наши родители. Или жили?.. Я гоню от себя дурные мысли и снова перевожу внимание на Ваню:

– Солдат сказал, что «западный» готовятся отрезать от остального города. Эвакуировать успели около тридцати процентов населения, но ваши точно там.

– Откуда ты знаешь? – с наивной надеждой в голосе спрашивает Женя.

«Ниоткуда», – хочу ответить я ему. – «Он ниоткуда этого не знает. Не может знать».

Но я молчу.

Ваня смотрит исподлобья, стараясь придать внушительности своей следующей фразе:

– Я уверен. Макс, Жека, вы же знаете вашего пахана, он же прошаренный. В первых рядах, небось, был.

Что есть, то есть: на тему недоверия и предосторожности мой отец может докторскую писать. В отличие от нас, детей девяностых, он человек Союза, а люди Союза ждут Армагед-

дона в любую секунду.

– Ваши в грузовиках, сто пудово.

Ясно: ободряющее послание Мише не адресовано. Они с Ваней не друзья, вместе их объединяем только мы с Женей.

– Слышь, Ваню, а про «северный» что-нибудь слышал? – спрашивает Арт. Сигареты из его губ не исчезают. Кажется, у Тамилы он забрал с собой столько блоков, сколько мог унести.

– Н-нет, – качает головой Ваня, – но знаю, что самая жопа, не считая «западного», была в центре. Зомби рванули туда по Стачкам огромной толпой. По идее, на «северном» было потише, но там тоже всё перекрыто. Только уже не зомби закрывали, а от зомби закрывались.

Зомби. Это слово режет слух, настолько мы привыкли к «прокажённому». Да и потом, не слишком оно им подходит. Эти твари явно не мёртвые. Наоборот, живее всех живых.

– Закрывали каким образом? – вступает в разговор Михась.

– Ну, если ты про «западный», то... слышали ночью взрыв?

– Даже два.

– Это был Новый Мост. Теперь его нет.

Мы поражены услышанным. Не верится, что всё это происходит наяву. Это какой-то кошмарный сон, из которого никак не вырваться. Я пробовал уже неоднократно – все руки себе исщипал.

– А остальные подходы?

– Змиевскую балку перекрыли на перевале, в самом узком месте. Ежами и колючей проволокой. Там собирались сделать Ворота – что-то типа блокпоста в заражённую зону. Воюки держали его, сколько могли, но часам к четырём утра их смяли. Там такая авария, что и танку не проехать – машин сто побито и брошено.

– Ещё есть Западный мост и «Фортуна».

– Второй взрыв – это и был Западный мост. А вот автобан перед «Фортуной» пытались отрезать у железнодорожного моста, но не успели заминировать – дождь пошёл дальше. Там сейчас легче всего пройти... Только... – Ваня подозрительно косится на нас, – вы же не собираетесь туда идти, да?

По нашим лицам и так всё ясно.

– Бли-ин... – закатывает глаза Ваня. – Вот вы безбаши!

– Ты-то здесь что забыл, безбаш? – спрашиваю я.

Он спас мне жизнь, и я благодарил его за это, наверное, минут пять, но всё равно не понимаю, каким образом он оказался в нужный момент в нужном месте. В ангелов-хранителей я не верю, а иного объяснения у меня нет.

– А я не поехал с ними! – выдаёт Ваню почти с гордостью. – Как своих отправил, сховался в доме и ждал утра. Пару раз чуть не обосрался! – на его лице появляется довольный оскал.

Это самый идиотский поступок из его богатой коллекции, а в вопросах идиотских поступков Ваня ещё больший профи, чем мой отец в вопросах осторожности. Ему нечем гор-

даться. Однако я горд за него...

– Почему? – всё же спрашиваю для порядка.

Неважно почему. Сейчас сгодится любая причина.

– Ну, у меня ещё брат на Нагибина, сестры на «западном», тётя на «северном». Пипец сколько родственников! И вы тоже. Не зря же приехал, – заканчивает он, глядя на меня.

Скупно улыбаюсь ему: не зря.

Какое-то время мы молчим.

– Молоток, – наконец, произносит Витос. – Ты молоток.

10:30

Мы решаем разделиться. Теперь у нас три машины, но новая «Октавия» Ваню сильно превосходит крохотный «Матис» в габаритах и мощности, поэтому мы выбираем её и мой «Ниссан». Первой группе, в лице меня, Жени и Миши, предстоит отправиться на «западный». Второй, в составе Ваню и братьев Воронюк – на «северный». После сбора родственников или любой информации о них мы должны снова встретиться здесь, на Стандартном. Октябрьский район находится почти в центре, между «западным» и «северным», к тому же мы так и не решили, что делать с бабушкой. Скорее всего, ей придётся ждать нашего возвращения здесь. На обратном пути надо бы раздобыть транспортное средство повместительней – компания может собраться немаленькая.

Но сначала необходимо решить вопрос с оружием. Со-

ваться в заражённый город, пускай и спящий ночным сном, с ножами и топорами – смехотворно. Мы можем повстречать и других выживших, и они могут оказаться не менее опасны, чем «прокажённые». К человеческой природе я отношусь без всяких иллюзий.

Пока выясняем, где у нас ближайший военторг, между Женей и Артом завязывается горячий спор. Брат просит Арта остаться с бабушкой до нашего возвращения, тот категорически отказывается. Очень скоро спор превращается в склоку с взаимными оскорблениями, в жаркое обсуждение вяжутся все остальные.

Наша первая ссора.

Перепалка продолжается, и я принимаю в ней самое непосредственное участие. Единственный человек, которому хватает выдержки и рассудительности не вступать в полемику – это Миша. Я вижу как он, оставив попытки докричаться до нас, теребит за рукав Артёма. Тот уже ни с кем не спорит, по природе своего характера предпочитая уйти в сторону, когда это возможно. Я же не могу остановиться. Никогда не мог. Я ору на Женю, ору на Ваню, ору на Витоса, и на них всех разом.

Вдруг раздаётся оглушительный свист. Это Артём вял просьбе Михася – так свистеть может только он. Как по команде, смолкаем.

Михась выдерживает небольшую паузу, позволяя нам чуть-чуть отдышаться, и произносит:

– Нам нужно выбрать главного.

Смотрим на него с удивлением. Потом до нас постепенно доходит смысл сказанного.

Женя выпрямляется, набирает в грудь побольше воздуха:

– А давайте! Согласен!

– Иначе мы так никуда не уйдём, – подкрепляет успех Михась. – Любой группе нужен вожак, это первое правило зоологии. Или мы тут все сейчас перегрызёмся. Мы теперь – звериный прайд. Так что я предлагаю устроить голосование и выбрать одного человека, которого все будут слушать. Потому что слушать всех одновременно лично я не могу.

Звучит до зубовного скрежета разумно. Зоология, эвона как завернул! Учёный, одно слово.

Все горячо поддерживаем идею.

– Только договоримся, – вставляет Женя, – того, кого выберем, слушаться беспрекословно, чтоб без съездов! Кто начнёт съезжать – тому люлей!

Я смотрю на Михася и, кажется, опережаю его мысли:

– Есть другая идея. Провинившийся изгоняется из прайда. Зоология, так?

– Да, отлично, – кивает Михась.

Вано и Арт обмениваются скептическими взглядами. Они не относятся к нашей затее слишком серьёзно. Пока не относятся.

Зато Женя предельно серьёзен:

– Точно! Так ещё лучше.

Скрепляем рукопожатием.

– Голосовать за себя нельзя, два раза голосовать нельзя, воздерживаться нельзя. Теперь голосуем, – Михась указывает пальцем на Витоса – Кто за Виталика?

Одна рука – Артём.

Указательный палец Михася, точно микрофон тележурналиста, переключивается к Ване.

– Кто за Вану?

Ни одного голоса.

– Вот суки, – полушутливо-полусерьёзно говорит тот.

– Кто за Арта?

И снова – ни одной руки. В эту секунду я понимаю, что Витос не менее серьёзен, чем Женья: обмениваться реверансами он не намерен. Для него это вопрос жизни и смерти, и он должен выбрать того, кого велит ему ум, а не сердце. Хороший признак.

А палец Михася, тем временем, указывает на Женю:

– Кто за Джона?

Я не могу поднять руку. Проголосовать за него претит в равной степени и сердцу и разуму. Нет, я не считаю его плохим стратегом, оратором или не любимчиком компании – как раз здесь у него всё в порядке. Однако ни стратегия, ни ораторское искусство, ни харизма, ни умение влюбить в себя толпу не являются первостепенными качествами для лидера. Злость – вот что главное. Умение быть жестоким. Умение сказать нет, когда считаешь нужным. Умение выбрать из

двух зол меньшее. Умение наплевать на всех. Найти в себе решительность пойти против всех. Найти в себе хладнокровие выгнать из прайда лишнего.

Это слишком большая ответственность для него. Не уверен, что он справится. Не хочу взваливать её на него. Так что я оставляю свои руки висеть строго по швам. Оставшиеся голосующие, впрочем, тоже.

Женя не выглядит разочарованным, на его лице скорее облегчение.

– Ну и отлично. Я и не хотел.

Он говорит правду, и я выдыхаю – стало быть, угадал. Черт, я знаю его семнадцать лет, разве могло быть иначе?

Михась указывает пальцем на себя:

– Кто за меня?

Я поднимаю руку. Прости, Михась.

Однако я единственный.

Михась почти не реагирует, словно знал наперёд, что будет именно так. Я заведомо был в фаворитах. Я – связующее звено между всеми ними. Братья Воронюк – сыновья моей крёстной, мы знаем друг друга с пелёнок. Ваня – друг детства. С Михасем мы с пятого класса дружим. Женя – родной брат. Я свёл их вместе и закрепил на себе, как втулка, на которой держатся все спицы нашего колеса, нашего катета, если угодно мистеру Стивену Кингу.

Я понимаю, что уже выиграл, но Михась для формальности наставляет палец на меня. Ему даже не надо называть

моё имя – руки Жени, Ваню, Витоса и самого Михася уже в воздухе.

В одно мгновение я становлюсь главой прайда... Неожиданно. А впрочем, почему нет? Из всех здесь присутствующих я больше всего подхожу на эту роль. Что ещё я умею? Командовать – вот всё, что я могу. Я не умею жертвовать собой, как Женя и Ваня, я не умею прислушиваться к точке зрения других, как Арт, я не умею быть преданным, как Витос и рассудительным, как Миша. У каждого из них есть какой-то талант, а мой – использовать таланты тех, кто меня окружает. И я пользуюсь ими на всю катушку. Когда мне нужна компания, я звоню братьям Воронюк, когда машина и свободные руки – Ване, когда нужно настроить компьютер – Мише. Не говоря уже о брате. Он младше меня на год, но я кручу им, как хочу и когда хочу. Я использую друзей для своих целей, но сейчас это на руку всей группе. Сейчас моя цель – выжить любой ценой, и, думаю, наши интересы в кои-то веки совпадают.

Михась хлопает меня по плечу:

– Поздравляю.

– Спасибо. Но ещё нам нужен заместитель.

– На кой фиг? – хмурится Женя.

– На случай, если... ну, знаете, жоака вдруг не станет.

Все настороженно переглядываются, словно я собрался прямо сейчас лечь и умереть.

– Тогда ещё р'аз голосуем? – воодушевляется Виталик.

– Нет, – отвечаю. Хватит с меня голосований. – Зама значит главный.

Никто не перечит. Теперь уже поздно.

Я остаюсь верен своему первоначальному выбору:

– Михась.

Мой друг криво улыбается. Не знаю, испытывает он радость или огорчение, но, думаю, в нём и того и другого понемногу. Отныне решения буду принимать я, в то время как ответственность за последствия нам предстоит делить поровну.

– Я всё равно не останусь с бабушкой, – шурится Арт из клубов табачного дыма.

По лицу Жени расплывается мстительная улыбка.

– Если я скажу, ты останешься один, – отвечаю ему.

– Пожалуйста, – пожимает плечами Арт. – Мне по фиг.

Все с подозрением косятся на меня. Я блефую. Оставлять здесь кого-то – плохая идея, и в этом споре Женя уже обречён на поражение. Но я играю вновь обрётёнными мускулами и слежу за реакцией. Они покупаются на мой блеф. И мне это чертовски нравится.

– Никто с ней не останется, – выношу вердикт.

На сей раз негодует Женя. Начинающийся заново спор убивает в зародыше Витос:

– Кто будет выступать, того буду бр'осать на пятак! – предупреждает он. – Я – палач. Тебя это тоже касается, – добавляет он в сторону Арта.

В ответ тот показывает средний палец.

Я обращаюсь к Жене:

– Забаррикадируем все окна в дом, укрепим дверь, оставим ей еды и питья на двухнедельный срок. Выходить на улицу будет только днём и только раз – чтобы очистить переносной туалет и дать псу пять минут выгуляться. Если за это время мы не вернёмся – она всех нас переживёт.

Женя не выглядит убеждённым, но вынужден согласиться. Моё решение ему не нравится, но это меня не беспокоит. Именно поэтому и я не поднял руку на голосовании, когда произносили его имя. Поменяй нас местами, и он пошёл бы у меня на поводу. Сие – бремя каждого младшего брата.

Поворачиваюсь к Ване:

– Ваню, ты вспомнил?

– Вспомнил. На Нансена есть оружейка. «Арсенал» или как-то так...

– Тогда собираемся.

Нансена – совсем недалеко. Не больше километра вверх по Шеболдаева. Когда-то было... В отличие от магазина Тамилы, до которого сто шагов пешком, расстояние до Нансена теперь покажется мне бесконечно долгим путешествием. И пускаться в него неподготовленными нельзя.

11:25

Я ставлю задачу разделиться. Трое остаются в доме, го-

товить бабушку к двухнедельной осаде, трое едут в «Арсенал». Моё первое серьёзное решение, как лидера. Делю группу не наобум: в доме остаются Михась, Женя и Арт. Я, Ваню и Витос на «Октавии» выдвигаемся в магазин. Все правильно: два брата и два лидера в разных группах. Больше шансов, что к родителям вернётся хотя бы один сын.

Женя настаивает на том, чтобы перед отъездом мы все проверились на предмет микротравм, а все найденные обработали йодом и заклеили пластырем. Делаем, как он говорит.

Берём с собой несколько ножей, два топора и мачете. У Вани в багажнике отыскивается кусок арматуры и устрашающего вида «вундервафля», как называет это Витос, сделанная руками самого Ваню. Кусок черенка от лопаты с набитыми на одном конце гвоздями – эдакое подобие «утренней звезды». Несмотря на примитивизм, оружие выглядит внушительно.

– Ну, мы погнали, – говорю я, стоя одной ногой в машине.

Витос и Ваню уже внутри, двигатель включён и тихо урчит в ночной тишине дневного города, нарушаемой лишь жалобными стонами брошенных эков.

– Давай, удачи, – брат пожимает мне руку, и его страх словно передаётся мне через ладонь.

Мне не хочется оставлять его здесь. Ни с пацанами, ни с ротой солдат.

– Вы тут тоже поаккуратней.

– Да нам чо, у нас Дэн, – улыбается Арт.

К моему удивлению, он справляется со страхом лучше Жени. Или я просто хуже его знаю...

– Через час не вернётесь, мы выдвигаемся на поиски, – напоминает напоследок Михась.

Хлопаю его по плечу:

– Через полчаса вернёмся загруженные под завязку.

– Залазьте в машину! – кричит мне Ваня из салона. – Товарищ командир, ё... вашу дивизию!

11:40

Теперь я знаю, как выглядит покинутый город. И это страшно.

Мы видим брошенные машины. Мы видим сгоревшие остовы машин, сгоревшие кости людей в остовах машин. Трупы повсюду – столько я не видел даже в фильмах про войну. Одни целые, другие истерзанные, третьи – разбросанные по кускам на несколько метров. Мы видим брошенные дома, брошенные многоэтажки, брошенные магазины и кафешки, сауны и автомойки. Где-то там, в их тёмных углах, притаились бывшие владельцы, ждущие своих новых клиентов. Новой ночи.

Воздух наполнен гарью и пороховым запахом. Под колёсами хрустят тысячи стреляных гильз и ковёр битого стекла. Пока мы поднимаемся к РГУПСу, я вижу трупы нескольких военных. Я различаю их лишь по обрывкам зелёной формы

– то, что содержалось внутри, теперь похоже на кровавое месиво.

РГУПС разрушен. Моя альма-матер, где я успел проучиться всего один курс, теперь в огне. Из кабинетов и окон вырываются длинные языки пламени, лижут белёные стены, покрывая чёрной копотью. Куполообразная крыша главного корпуса ввалилась внутрь. Завораживающее зрелище.

Раз или два мне попадаются бесцветные лица людей за стёклами уцелевших хрущёвок. Выжившие. Такие же, как и мы. Они смотрят на нас со страхом и недоверием. Они боятся нас не меньше, чем мы их. Их мало и с каждым днём будет становиться всё меньше. Если кто-то думает, что глобальные катаклизмы заставляют сплотиться, то он ошибается. Наш мир отныне – сообщество первобытных хищников. Охотников, кто посмелее, и падальщиков, кто нет. Эволюция пущена в обратное русло: выживут самые деградировавшие, самые злые и бесчестные, аморальные и подлые. Это наш новый прогресс. Дарвиновский естественный отбор. Травоядным здесь не место.

Нам несказанно везёт – в сутолоке гигантской пробки, в которую превратились теперь все дороги города, Ваня умудряется находить узкие лазейки и, не щадя кузова своей машины, поднимается на Нансена.

Только там, на горе, мы вдруг обращаем внимание на небо. Всего два часа назад первозданно голубое, теперь оно затянуто некрозной плотью дождевых облаков. Дневной свет

меркнет: солнце скрывается за плотной пеленой. В воздухе отчётливо пахнет дождём.

Мы подъезжаем к магазину в тот момент, когда первые капли начинают барабанить в стальной кузов машины. Несколько падает на лобовое стекло, и мы видим, что они розовые...

11:40

– Бляха-муха! – Ваня спешно закрывает окна.

Как и прошлой ночью, дождь обрушивается на нас единой мощной стеной, и вот уже розовые потоки отравленной жижи стекают по стёклам.

Мы смертельно напуганы. Боимся дышать. Ваня перекрывает вентиляционные заслонки, чтобы даже насыщенный ядовитой влагой воздух не поступал в салон. Витос натягивает на нос горловину толстовки.

Я смотрю в лобовое стекло. Магазин перед нами, закрыт и нетронут. Большая жёлтая вывеска гласит: «СЕПУР-АРСЕНАЛ. РЫБАЛКА. ОХОТА. ТУРИЗМ».

Так близко и так далеко...

– Подождём, пока закончится, – говорю я.

12:00

В шуме дождя появляется новый звук, и через секунду на

парковку перед магазином въезжает ещё одна машина. Чёрный «Хендай Акцент». Стекла слегка тонированы, но мы всё равно видим сидящих внутри людей. Их четверо, молодые, самому старшему едва за тридцать. Крепко сбитые, двое кавказской наружности и по виду спортсмены. Завидев нас, водитель поворачивает бритую голову и делает устрашающие глаза. Слов не разобрать, но по его губам я легко читаю: «сваливайте, дети».

Новые клиенты «Супер-Арсенала» совершенно не намерены соблюдать очередь.

12:10

– Что будем делать? – слышу с заднего сиденья голос Витоса. – Если кипеш начнётся, каша будет.

Оружие у нас в салоне, но противников на одного больше, и они старше. И я очень удивлюсь, если они приехали сюда с голыми руками.

«Не нужно было разделяться» – мелькает в голове. – «Нужно было ехать всем скопом».

Моё первое решение – и первая ошибка.

– Ваше мнение?

Я слишком поздно понимаю, что дал слабину.

– Ты босс, – пожимает плечами Ваня.

Адреналин и страх перехлёстывают его, и это плохо. Если он заведётся – быть беде.

– Если мы сейчас включим заднюю, можем уже нигде не найти целого магазина, – вслух рассуждаю я. – Ажиотаж слишком большой. А без оружия мы далеко не уедем. Но если ввяжемся... можем даже отсюда не уехать.

Я снова смотрю на «Акцент». Водитель, словно поняв смысл нашей беседы, качает головой: «не стоит».

Витос просовывается между нашими сиденьями, и я вижу его бледное лицо.

– Мы их сделаем, Макс, – заверяет он меня.

В его глазах я не вижу той уверенности, что несут его слова, но зато я вижу там другое. Дух. Боевой дух.

– Сделаем, – поддерживает Ваню. – Продумаем, только, как – и сделаем.

Они правы. Время выживания началось. Уже началось. Если мы начнём с поражения, если будем бояться и прятаться, как те жалкие существа в своих квартирах – нам конец. Пришло время узнать, каково наше место в новой пищевой цепи.

– Хорошо, – киваю я, и страх тут же парализует все конечности. – Остаёмся.

Когда дождь закончится, в этом магазине окажемся либо мы, либо они.

Мы начинаем ждать.

Глава 5. Бойня

13:20

На какое-то время дождь поглощает всё вокруг. Это стена, тюремный обвод, за который никому не прорваться. Дождь настолько плотный, что мы почти не видим наших визави. Только тёмный силуэт их машины. Но они по-прежнему там, внутри. Как и нам, им сейчас некуда идти.

Окна запотевают через десять минут. Видимость падает до нуля, и мы оказываемся в непроницаемом розовом коко-не. Я говорю Ване включить кондиционер – держать соперников в поле видимости жизненно важно для нас. Ваня заводит мотор, включает режим рециркуляции воздуха в салоне и климат-контроль.

Водяной пар на стёклах медленно отступает, в образовавшихся прогалинах я снова вижу Нансена. Однако что-то изменилось. Дождь поутих, и теперь сквозь тонкую розовую завесу я различаю тени. Приглядевшись внимательней, понимаю, что это тени людей. И они движутся прямо на нас.

13:35

– Снимайся с ручника! – команду Ване. – Уезжаем!

Тот недоуменно хлопает глазами:

– Что случилось?

Пар на стёклах почти исчез. Я поднимаю глаза к небу.

Солнца нет. Небо обложило наглухо, город погружен в предвечерний полумрак. Смотрю на «Акцент». Парни в салоне не обращают на нас внимания, переговариваясь о чём-то между собой. Кажется, один из них смеётся.

Угомонившееся немного сердце возобновляет бешеную пляску.

Света нет, а значит, нет светобоязни. А значит...

– Там кто-то ходит, – говорит Витос, прильнув лбом к боковому окну.

Они пока далеко – ближайший к нам силуэт не больше скрепки для бумаги. Но дом бабушки, где нас ждут друзья, отсюда ещё меньше.

– «Прокажённые», – я не узнаю своего голоса. – На улице темно, и они повылазили...

Мои друзья витиевато матерятся. Продолжая сыпать проклятьями, Ваня включает заднюю передачу и смотрит на меня:

– Куда? На хату?

Мы не успеем. Я понял это ещё до того, как он спросил, но боялся озвучить. Город наводнён «прокажёнными», и сейчас они вылезают из своих нор на свет божий. Или во мрак, который, уходя, оставил после себя бог.

Если мы доедем до РГУПСа – это уже будет чудом. Но мы

не доедем. Я нахожу подтверждение своим мыслям в глазах Витоса и Ваню.

– Нет. Придётся искать убежище здесь.

– Я вроде уже нашёл, – Витос стучит пальцем по заднему стеклу «Октавии», и мы с Ваней выворачиваем головы назад. – Смотрите.

13:40

На самом деле улиц Нансена в Ростове две. Верхняя и нижняя. Между обоими проходят железнодорожные пути, ведущие к главному Ростовскому ЖД Вокзалу. Никогда бы не подумал, что эти самые пути, создававшие в час пик огромные пробки у переездов, теперь могут спасти наши жизни. Точнее, не сами пути, а старый добрый Торжокский электропоезд в своём вечнозелёном боевом раскрасе.

«Торжок» стоит прямо напротив нас, головной вагон метрах в трёхстах от «Супер-Арсенала». Все двери в вагонах открыты, под многими спущены ступеньки. Но есть и те, где ступеньки так и остались втянуты внутрь – пассажиры покидали состав спешно, выпрыгивая прямо на пути.

Воспалённое воображение рисует интерьер медленно катящегося к вокзалу поезда. В приоткрытое окно в тамбуре курит мужчина. Сбивает пепел, и несколько розовых капель попадает на фильтр. Мужчина не замечает, как слизывает их со следующей затяжкой. Для квази-апокалипсиса в замкну-

том пространстве электропоезда довольно и одного заражённого...

– Туда! – кричу Ване. – Жми!

Ваня бьёт по педали газа, свистят по скользкой дороге покрышки. Мы отъезжаем от «Супер-Арсенала» под гогот и улюлюканье сидящих в «Акценте» парней. В нашу сторону показывают скабрёзные жесты и корчат рожи. Я слышу голос водителя, кричащего в чуть приоткрытое окно: «Щеглы! Щеглы!»

Я выбираю вагон в середине поезда и направляю Ваню туда. Когда мы останавливаемся у насыпи, дождь почти прекратился. Розовые капли едва слетают с небес, точно стряхнутые с губ гигантского заражённого божества.

Поезд выглядит довольно надёжным убежищем. Железные стенки, толстые стекла, в купейных вагонах прочные двери с хорошими замками. Все вагоны соединены друг с другом, в каждом есть два выхода, а межвагонные двери вообще непробиваемые, так что «прокажённых» можно легко отрезать от остального состава, если они вдруг ворвутся внутрь.

«Мы могли бы здесь жить», – мелькает в голове шальная мысль.

Нет, нельзя так думать. Это пораженчество. Хоронить мир людей слишком рано. Человечество не могло погибнуть всего за сутки. Где-то там обязательно есть оплот живых людей, современный Арарат, призванный стать колыбелью но-

вой цивилизации. Я верю, что там нас ждут близкие и друзья. Если это место существует, мы обязательно найдём его.

– Дождь ещё моросит, – замечает Ваня.

– Спрячьте руки в рукава и натяните кофты на головы, – распоряжаюсь я. – Пойдём так.

Ждать нельзя: тени на дороге всё ближе, и их всё больше.

Вооружившись, мы открываем дверцы машины и ступаем на пропитанную отравленной водой улицу.

14:00

– Воняет, – слышу из-под толстовки приглушенный голос Витоса.

Да, теперь мы все чувствуем это: розовый дождь имеет запах. Едва уловимый, но в то же время едкий, химический аромат алкогольной рвоты. По опыту прошлой ночи я знаю: долго в воздухе он не продержится. Возможно, его исчезновение означает смерть вируса, неспособного долго жить вне живого организма.

Первым в вагон залезает Витос, следом за ним я. Ваня замыкает.

Прячу мачете за пояс, хватаюсь за влажные поручни, и рукава вязаной кофты тут же впитывают розовую влагу. Почувствовав её на своих ладонях, я едва не кричу от паники. Неконтролируемый животный страх скручивает где-то в области живота. Я почти уверен, что уже заражён, что вот-вот

потеряю сознание, а когда очнусь – моей единственной целью станет убийство себе подобных ради пропитания и просто ради убийства.

– Быстрее! – безотчётно подгоняю Виталика. – Быстрее! Быстрее! Быстрее!

– Да иду, задолбал! – шипит тот, ощущая мои отчаянные тычки в спину.

Мы оказываемся в тамбуре. Только покинув перенасыщенную розовой дрянью среду, я замечаю, что Вани на ступеньках нет. Он по-прежнему на земле, смотрит на нас снизу вверх:

– Идите, я догоню.

– Лезь в вагон! – кричу на него шёпотом.

За моим плечом Витос поносит матом его и всю его родословную на несколько колен вверх по генеалогическому древу.

Но тот уже не видит нас, выпуклые глаза лихорадочно изучают нижнюю Нансена. Дождь совсем перестал, в шуршащей тишине инфицированного города мы слышим, как хлопают двери чёрного «Акцента». Четыре человека направляются к «Супер-Арсеналу».

Тени «прокажённых» приобретают вполне чёткие очертания, и я вижу, что они повсюду. Нижняя Нансена, верхняя Нансена, спуск на Будённовский проспект... Они бродят во круг, мне даже кажется, что я слышу, как они урчат что-то себе под нос на своём нечеловеческом наречии.

Потом шуршащую тишину обезлюдевшей улицы вспарывает звон бьющегося стекла – пассажиры «Акцента» проникли в оружейный магазин через окно.

– Идите, – говорит нам Ваня, взвешивая топор в руке. Оглядывает вагон в поисках номера. Его явно распирает какая-то идея. Он завёлся, теперь уже не остановить. – Я щас... быстро...

И, прежде чем мы с Витосом успеваем хоть что-то сказать, мой друг возвращается обратно в машину и заводит мотор.

14:25

Мы запираем вагон с обоих концов, но не втягиваем ступеньки, оставляя для Вани пути для отхода. Вагон купейный. С оружием наизготовку и трясущимися от страха коленями обыскиваем все купе. Нам снова везёт – ни одного «прокажённого». Запираемся в одном из купе. Вещи пассажиров брошены так, словно их владельцы вышли отсюда минутой назад глотнуть свежего воздуха на очередном полустанке. На столе нехитрая еда и чай в железных подстаканниках, койки расстелены, подушки сохранили вмятины голов своих хозяев.

Глаза Витоса широко раскрыты, нижняя губа отвисла:

– Они спали, когда всё случилось...

Да, картина не из приятных. Но сейчас не время рефлексировать.

Прилипаем лбами к окну и следим за Нансена. Белая «Октавия» медленно подкатывает к «Супер-Арсеналу». наших конкурентов на оружие не видно – все четверо увлечены разграблением магазина. Ваня выжидает ещё минуту, потом открывает дверь и выходит на улицу.

Я вижу в его руке нож, другая сжимает топор. Пригибаясь к земле, Ваня подкрадывается к чёрному «Акценту» и, одно за другим, прокалывает все четыре колеса. Даже отсюда я слышу шипение, с которым выходит воздух из пробитых покрышек.

– Сука, сука, сука, – бубнит у меня над ухом Витос. – Что он делает...

Я снова окидываю взглядом нижнюю Нансена. Дорога в обе стороны безлюдна, насколько хватает глаз – обзор ограничен шириной окна. Но что твориться за его пределами известно только Ване.

– Сука. Сука. Сука.

«Акцент» уже стоит на дисках, расплющивших спущенную резину. Ваня возвращается к «Октавии» и вдруг замирает. Затем принимается лихорадочно обыскивать карманы в поисках ключей.

В эту секунду я вижу первого «прокажённого».

Это женщина. Она вступает в пределы видимости окна, и Витос перестаёт бубнить. Мои лёгкие со свистом втягивают воздух сквозь неплотно сжатые губы.

Ей чуть за тридцать, абсолютно голая, с головы до пят из-

мазана розово-чёрной грязью. При каждом шаге тело женщины извивает в страшных корчах, скрюченные руки словно живут своей жизнью – она то прижимает их к израненной груди, впиваясь пальцами в мягкую плоть, то отрывает назад, уже со свежими кусочками кожи под ногтями. Длинные волосы грязным колтуном лежат на плече. Страшнее всего её лицо. Перекошенный судорогой рот вытянут в непрерывном немом «О», подбородок и горло покрыты запёкшейся кровью. Глаза закрывает слипшаяся от грязи и крови чёлка. На голове слева недостаёт уха – не знаю, отгрызли сородичи, или она оторвала сама.

Первые секунды шока настолько сильны, что полностью обездвиживают нас. Ротовую полость наполняет терпкий привкус адреналина. Мы так перепуганы, что не можем даже дышать. Всё на что нас хватает – наблюдать за адским отродьем, которое медленно приближается к нашему другу.

Между тем Ваня не замечает заражённую женщину, или не хочет замечать. В ситуациях сродни этой страусиная тактика может быть весьма полезна – по крайней мере, не даст тебе впасть в ступор.

Однако вместо того, чтобы сесть в машину и ехать к нам, Ваня ставит её на сигнализацию.

«Пиу-пиу» – откликается та.

Этот привычный звук, точно вернувшийся к нам из прошлой, нормальной жизни, приводит нас с Витосом в чувство. – Какого лешего он творит! – вопрошает Виталик.

Если бы я знал.

Ощущаю рукоятку мачете в ладони – последние несколько минут я сжимаю её до онемения в пальцах.

«Прокажённая» не видит Ваню, от неё до парковки «Супер-Арсенала» добрых двести метров, усеянных брошенными и перевёрнутыми машинами. Но это не значит, что она не слышала звуков сигнализации.

Витос обалдело смотрит на меня:

– Он что, боится, что её угонят?

За меня ему отвечает сам Ваня. С размаху бьёт топором в передний бампер «Октавии», и улица оглашается надрывным звуком сработавшей сигнализации.

«ПИУ-ПИУ-ПИУ-ПИУ! УА-УА-УА-УА!»

Теперь инфицированная женщина точно его услышала. Как и все остальные «прокажённые» в округе.

Неожиданно мне становится ясен замысел Вани.

– К дверям! – кричу Витосу. – Надо его встретить!

Сквозь толстое стекло вагона-купе мы видим, как наш упитанный друг опрометью несётся к поезду, держа вооружённую топором руку на отлёте.

14:40

Следующие десять минут помню урывками, точно плохой сон в первые минуты после пробуждения.

Мы с Витосом у дверей в вагон. Ваня мчится к насыпи,

маневрируя меж кузовов разбросанных по дороге машин. Никогда бы не подумал, что его грузное тело может обладать такой проворностью – полосу препятствий он проходит почти красиво. Один раз сильно задевает бедром бампер огромного «Ландкрузера», вскрикивает от боли, но остаётся на ногах и скоро восстанавливает прежний темп.

«Прокажённая» женщина переходит с шага на бег. Она мчится к «Октавии», изрыгая страшные горловые звуки, похожие на зов о помощи. Скрюченные руки вытянуты вперёд, истерзанные груди прыгают вверх-вниз.

Ваня почти поравнялся с нашим вагоном. Осталось пересечь дорогу и подняться на насыпь. Потом происходит сразу несколько событий.

Я вижу ещё двух «прокажённых» – молодую девушку, почти девочку, и взрослого мужчину. Они появляются с той же стороны, откуда пришла первая женщина. За ними – ещё шестеро или семеро. Другая группа «прокажённых» выбегает на дорогу со стороны Будёновского, и я перестаю считать. Они уже повсюду. В мгновение ока нижнее Нансена заполнено этими тварями. В ту же минуту из магазина выбегает пассажир чёрного «Акцента». Кажется, один из двух кавказцев, что сидели на заднем сиденье.

Ясно, они решили, что сигнализация сработала у них. Но я-то отлично помню, что водитель вообще не закрывал машину. Увидев моргающую аварийными огнями «Октавию», кавказец тоже это понимает. Я слышу, как он выкрикивает что-

то на незнакомом языке.

В следующую секунду на него набрасывает первый «прокажённый».

Тварь цепляется зубами парню в горло и валит на землю. Последнее, что я вижу, перед тем, как тело несчастного полностью скрывается под десятком обнажённых нелюдей – фонтан крови, толчками вырывающийся из прокушенной артерии.

Ваня уже у насыпи. Осталось совсем чуть-чуть. Но удача, наконец, изменяет нам: его преследуют. «Прокажённая» женщина – та самая, что появилась на дороге первой и «позвала» остальных – оставила попытки проникнуть в «Октавию» и теперь бежит за её водителем. Остальные твари тянутся к магазинной парковке, привлечённые звуками кровавого пира.

Поворачиваюсь к Витосу:

– Готовься! Ща мы её встретим!

В ответ Виталик собранно кивает.

Крепче сжимаем в руках оружие.

В жизни так не боялся.

14:50

– НЕТ! – доносится до нас из недр «Супер-Арсенала».

Мужской вопль на грани срыва похож на женский. Звук пронизан таким отчаянием, что перекрывает собой даже

шум «прокажённой» толпы.

Затем мы слышим череду автоматных выстрелов, и из окон магазина вылетают последние уцелевшие стекла.

14:51

Ваню больше не преследуют. Привлечённая новым неизвестным звуком женщина резко меняет направление и, шлёпая босыми ногами по мокрой дороге, мчится к дверям «Супер-Арсенала». Остальные «прокажённые» на Нансена, в количестве, примерно, полусотни обезумевших мужчин, женщин и детей, следуют её примеру.

14:52

Ваня практически взлетает на ступеньки – один шаг, и он уже внутри вагона. Мы с Витосом запрыгиваем следом, втягиваем ступеньки и захлопываем дверь.

Смотрю на Ваню. С губ полностью сошла кровь, они контрастируют на раскрасневшемся от бега лице, как подвенечное платье в похоронной процессии. Мой друг едва дышит, грудь вздымается и опадает в бешеном ритме, подмышками залегли тёмные пятна от пота.

Мы не говорим друг другу ни слова – всё и так понятно. Проталкиваемся в то же самое купе, где ещё недавно наблюдали в окно за Ваней, и закрываемся на замок.

В «Супер-Арсенале» уже всюду кипит бой. «Прокажённые» толпой ломятся внутрь, в узких дверях образовывается затор. Канопада ружейных залпов и автоматного стрёкота сотрясают стены магазина, вопли умирающих под пулями «прокажённых» разрывают нам барабанные перепонки. Несколько измочаленных тел вываливается на парковку сквозь разбитые окна, расплёскивая литры крови.

Если бы нам было чем, мы бы снова блевали.

– Первый закон зомби-апокалипсиса: будь человеком, и к тебе потянутся, – слышим хриплый голос Вани.

Весь его план в одном предложении.

15:10

Наконец, битва закончена. Перед окнами и дверями магазина плетёный ковёр из окровавленных человеческих тел. Ступая по нему, из «Супер-Арсенала» выходит человек. С карабином наперевес, он тоже с ног до головы в крови, но, в отличие от лежащих внизу, жив, а не мёртв. Не знаю, ранен ли он, не знаю, заражён ли он – сейчас это неважно. Я просто хочу, чтобы он уехал отсюда. Неожиданно я ловлю себя на мысли, что всей душой желаю его спасения.

Трясущейся рукой парень открывает дверцу «Акцента» и садится за руль. Заводит мотор. Жуя пробитую резину железными дисками, машина медленно отъезжает от магазина. На Нансена беспокойно: несколько «прокажённых» по-

прежнему бродят вокруг. «Акцент» выезжает на дорогу и катится к спуску на Будённовский проспект. Привлечённые звуком мотора, «прокажённые» бросаются за ним вдогонку, но развязки этой истории мы не видим – машина съезжает вниз и исчезает из поля нашего зрения. «Прокажённые» следуют за ней, как стая щенков за материнской титькой.

Первый луч солнца ложится на дорогу, и мы видим его блик, отражённый в наполненной кровью луже. Поднимаем головы к небу, и моё тело, наконец, расслабляется. Такого блаженства я не испытывал уже давно.

В серой стене дождевых облаков появляются первые голубые оконца. Нам остаётся только ждать.

15:50

– Ну, что, выходим? – спрашивает меня Витос.

Мы в тамбуре вагона, держусь рукой за металлическую ручку двери. Десять минут назад погода окончательно наладилась, с тех пор мы не видели ни одного «прокажённого». Однако после кровавого побоища, развернувшегося на нижнем Нансена всего час назад, нас ещё потряхивает.

– Выходим, – решаюсь я.

Щурясь от яркого света, выпрыгиваем на насыпь и перебежками двигаемся к магазину. Как я и предполагал, от химического запаха не осталось и следа. Стало быть, в воздушной среде вирус живёт около получаса, не больше. Это хоро-

шая новость.

Головы моих друзей крутятся во все стороны, выискивая любые признаки движения. Два топора, два ножа и одно мачете находятся на боевом взводе. Пробегая мимо того места, где несчастного кавказца сожрали заживо вместе с одеждой, мы избегаем смотреть вниз. Наступая на тела убитых «прокажённых» перед входом в оружейный магазин, представляем себе, что идём по водяному матрасу.

– Бля-я! – восклицает Ваня.

Пожалуй, это самое подходящее слово для описания того, что мы видим внутри магазина. Здесь достаточно светло (спасибо выбитым окнам), чтобы ни одна тварь не выбрала это место для днёвки, и мы, открыв рты, созерцаем представшую перед нами картину.

Большая часть «прокажённых» нашла свою смерть именно здесь. Примерно с три десятка трупов в творческом беспорядке разбросано по всему магазину. Они лежат на полу, лежат на разбитых витринах, лежат на поваленных манекенах в охотничьей экипировке. В отделе рыбалки мы видим единственное тело в одежде – это третий из пассажиров чёрного «Акцента». По бритой голове я понимаю, что это водитель. По изрешечённой пулями спине – что он стал жертвой нескольких шальных пуль, если такие вообще бывают. Тело четвёртого товарища нигде не видно, но я не исключаю возможности, что оно просто похоронено под трупами убитых им тварей.

Однако если отбросить кровавые подробности, перед нами настоящий Клондайк! Здесь есть всё, что нужно для выживания в «зомби-апокалипсисе», как назвал это Ваня. Принадлежности для охоты и рыбалки: камуфляж, удочки и спиннинги, палатки, верёвки, капканы, переносные газовые плиты для полевой кухни, походные фляги, фонарики, настоящие охотничьи ножи, по сравнению с которыми наши выглядят жалкими ковырялками.

И, конечно, оружие. Дальний стенд полностью отведён под оружие. Когда-то оно стояло на подставках, соединённое друг с другом стальной цепью с подвесными замками, но наши предшественники позаботились об этом, и сейчас оружие свалено в кучу на полу. Ружья двуствольные и одноствольные, дробовики «Ремингтона», самовзводные карабины, и, разумеется, знаменитая «Сайга». Быстрые автоматические выстрелы, что мы слышали – её голос.

Недолго думая, перетаскиваем в «Октавию» (благо, самый большой урон, полученный ею во время бойни, был нанесён Ваниным топором) всё, что видим. Салон и багажник стремительно заполняются награбленным добром. Видя, что всё нам просто не увезти, даю Ване команду брать только самое нужное и только по паре (на поиски родных предстоит экипировать две машины). Мы с Витосом тем временем спускаемся в небольшое подсобное помещение за боеприпасами.

Внутри царит полумрак, и мы зажигаем фонарики. Оче-

видно, раньше боеприпасы хранились в небольших деревянных шкафчиках, расставленных на стеллажах, но теперь все они взломаны и выпотрошены. Не разбираясь с маркировкой, сваливаем в глубокий рыбацкий садок все коробки подчистую. Через минуту садок полон. Время поджимает, а я не хочу задерживаться здесь ни единой лишней минуты. Велю Витосу тащить садок наверх и паковаться, а сам задерживаюсь ещё на несколько минут поискать что-нибудь взрывчатое. Шашки, гранаты, что угодно. Чем чёрт не шутит, вдруг найдётся?

Но вместо этого слышу у себя за спиной шевеление. Отупев от ужаса, направляю луч фонаря в тёмный угол, из которого исходил звук. И моя челюсть медленно отпадает.

Передо мной на полу сидит человек.

16:30

Это четвёртый пассажир «Акцента» и второй кавказец из сидевших на заднем сиденье. Парень тяжело ранен – даже в полумраке подсобки я вижу кровь на его груди и животе. В левой руке «Сайга», направленная дулом на меня. Правая рука представляет собой окровавленную культю – кисть оторвана по самое запястье.

– Нэ ссы... – хрипит парень. У него тяжёлый кавказский акцент. – Пули кончились. А без руки не зарядишь...

Молчу, сражённый неприятной картиной.

Возможно, он врёт. Но зачем? Я у него на мушке, его палец на спусковом крючке.

– Видал, сколько я положил?

Киваю – видал.

– Да, стрелять умёю немножко... Но насэли, суки, рэально. Нэ углядел, и вот – нэт руки. Ты у них главный?

Молчу.

– Вижу, что ты. Мнэ конэц, да?

Медленно киваю ему – да.

На обескровленных губах появляется тень улыбки.

– Сам знаю. Слышь, братка, а ведь тэбе тоже конэц...

Снова смотрю на карабин. Всё-таки обманул...

– Да нэ ссы ты, – из груди парня вырывается лающий смешок. – Сказал нэ заряжен, значит нэ заряжен. Но тэбе всё равно конэц... Потому что ты главный.

Молчу.

– Когда-нибудь, братка, ты приведёшь их нэ в то место. И случится хэрня... Как сегодня, – из уголка глаза выкатывается слеза и катится по небритой щеке. Если б не она, я бы ни за что не понял, что он плачет. – И ты будэшь виноват. Они сдэлают тебя виноватым.

– Ты был у них главным? – нахожу в себе силы спросить.

Ещё один сиплый смешок.

– Я? Нэ-эт, брат, нэ я. Вон тот урод лысый в магазине, он был главный. Я говорил: нэ надо идти, надо дома сидеть. А он нэ послушал, повёл. Из-за него Арсена убили. Моего

брата...

«Арсена съели заживо», – проносится у меня в голове. –
«Разорвали на куски и съели».

– Ты грохнул главного? – спрашиваю.

– Канэшно, – кивает парень. – Полрожка в спину высадил.

Мы молчим. Потом его сдавливают пароксизм кашля, и он харкает кровью на пол подсобки.

– Добьёшь? – поднимает он глаза на меня.

– Нет, – качаю головой.

– Ну, хоть пушку помоги зарядить. Я сам...

Он инфицирован – минут через двадцать сам помрёт.

– Нет, – повторяю.

– Ну и хрэн с тобой. Валите отсюда, пока нэ поздно.

Киваю ему и выхожу из подсобки.

Пацаны уже в сборе. Витос разглядывает какие-то жёлтые свёртки.

Ваня вопросительно смотрит на меня:

– Мне показалось, ты говорил с кем-то.

– Креститься надо, – выдавливаю из себя улыбку и подхожу к Витосу. – Что это?

– Ща посмотр'им.

Витос вскрывает упаковку, снимает застёжку, и свёрток разматывается в длинный жёлтый водонепроницаемый полиэстеровый плащ с капюшоном.

– А вот это нужная вещь, – замечает Ваня.

Мы берём плащи на всех, и ещё несколько про запас. По-

том, переступая через мёртвые тела тех, кому не посчастливилось найти такие же до начала первого «розового дождя», направляемся к выходу из магазина.

Глава 6. Люди жёлтых плащей

17:00

Мы едем обратно в молчании, усугубляемом тишиной вымершего города. Требуется время, чтобы переварить случившееся у оружейного магазина. До сих пор мы относились к этой безумной кровавой бойне как к чему-то нереальному. Эфемерному. Так воспринимаешь насилие в кино. Ты абстрагируешься от происходящего на экране, прекрасно зная, что всё это понарошку, несерьёзно. Кровь – краска, оторванные части тел – силиконовые муляжи.

На обратной дороге к дому до нас постепенно доходит, что произошедшее с нами было взаправду, что у нас на глазах убито больше полусотни человек, пусть и не совсем нормальных. Но ведь среди них были и нормальные. Мы видели их смерть. Мы приложили руку к их смерти.

Чувствую поднимающуюся в груди тошноту, спазм сдавливает горло. С трудом сдерживаю рвотный позыв – ничего кроме желчи из меня сейчас не выйдет. На водительском сиденье непрерывно курит Ваня. Где он раздобыл сигареты, не знаю, наверное, нашёл в магазине. А ведь он бросил, полгода держался. Впрочем, я и сам подумываю «развязаться» – в условиях свершившегося апокалипсиса психическое здоро-

вье куда важнее физического. О долгой счастливой старости думать не приходится, тут бы до завтрашнего дня дотянуть.

Смотрю на Витоса. Парень держится, но я вижу, что ему тоже погано. Одно дело – убить заражённое отродье, пытавшееся перегрызть тебе глотку, и совсем другое – отправить на тот свет четыре человеческие жизни. Пожалуй, ему даже хуже, чем мне сейчас. В отличие от меня, он человек верующий, а законы веры и законы выживания плохо играют в паре. Рано или поздно ему придётся сделать выбор.

Мы спускаемся к РГУПСу под аккомпанемент розовой капели, непривычно громкой во всепоглощающей тишине. Дождь погасил пожарище на крыше института, однако в окнах по-прежнему теплятся оранжевые язычки пламени. Возможно, это выжившие засели внутри и поджаривают на кострах украденные из магазинов сосиски и хлеб, но скорее всего у меня просто разыгралась фантазия. Слава богу, что она не рисует мне людей, поджаривающих на кострах плоть своих покойников. Пока не рисует...

Мы въезжаем на кольцевую дорогу площади Народного Ополчения, и я трогаю Ваню за плечо:

– Езжай через Каменку. Заскочим в аптеку, раз уж на колёсах. В дороге могут пригодиться медикаменты.

Ваня кивает и закуривает новую сигарету. Вижу в зеркальце заднего вида его глаза, скользнувшие по мне и снова уставившиеся на дорогу. Склеры покраснели, веки припухли, в глазницах залегли тени, словно он не спал двое суток. Что

ж, в нашем новом мире сон – роскошь, которую могут позволить себе немногие. По крайней мере, немногие живые.

Спускаемся на Каменку прямо по Шеболдаева. Раньше здесь было одностороннее движение, но теперь нас вряд ли оштрафуют. Один из немногих плюсов зомби-апокалипсиса – отмена всех видов правил, включая дорожные. Можно ездить по встречке, можно ездить по тротуарам, можно ездить по газонам и прямо по человеческим трупам... Можно мочиться в фонтаны, распивать алкоголь в детских садиках, курить травку на кладбище, поедая гостинцы прямо с могил. Можно навалить огромную кучу в мэрии, аккуратно на столе для административных собраний, и потереться городским флагом. Можно даже устроить сексуальную оргию в храме или синагоге, натянув вязаный балаклав на гениталии и просунув член через глазницу. Лицо можно не прятать – тебе всё равно ничего не будет.

Мама-анархия во всей своей разрушительной мощи.

Мы спускаемся к Каменке, расталкивая кузовом выстроившиеся по обочинам дороги машины. У кольца на Второй Пятилетке нам тоже приходится остановиться. Перевернутый набок автобус напрочь перегородил дорогу. Внутри автобуса, в крошечке битого стекла и содранной с сидений обивки, мы видим изуродованные человеческие тела. Что автобус делал здесь в три часа утра, да ещё битком набитый людьми, я не знаю. Возможно, вывозил беженцев. Вполне вероятно, внутри могли быть мои знакомые или даже родственники.

Однако чтобы выяснить это, мне придётся войти в автобус и обследовать трупы. Я уверен, что не пойду. Достаточно с меня потрясений для одного дня.

Ваня останавливает машину прямо посреди Шеболдаева, и оставшуюся часть пути до аптеки мы преодолеваем пешком. Награбленное в «Супер-Арсенале» добро, включая огнестрельное оружие, оставляем в «Октавии» под охраной Вани – некогда разбираться с патронами, да и стрелки из нас пока, прямо скажем, неважные. Чего доброго, перестреляем друг дружку, испугавшись тени на стене. Вместо этого берём с собой охотничьи ножи и пару отцовских топоров. Моё мачете тоже со мной – за то недолгое время, что мы вместе, я успел сродниться с ним.

На Каменке аптек целых три. Выбираем с Витосом самую просторную и светлую. Удостоверившись, что внутри никого, принимаемся сметать с прилавков всё, что может пригодиться в дороге, а также во время путешествия к новому Арарату, если таковой существует.

Вместительный ягдташ, позаимствованный в том же «Супер-Арсенале», наполняется бинтами, пластырями, йодом и перекисью, шприцами и ампулами, порошками, всеми видами таблеток, начиная с пилюль от кашля и заканчивая тяжёлыми антибиотиками, а также готовыми автомобильными аптечками. Пошло ухмыляясь, Витос машет мне из-за прилавка огромным резиновым фаллоимитатором.

Идиот.

Внезапно меня осеняет! «Левотироксин»! Как я мог забыть о нём? Примерно два года назад мне удалили щитовидку, и с тех пор я на заместительной терапии. «Левотироксин» – единственное, что поддерживает меня абсолютно здоровым. После тиреоидэктомии я обречён пить эти маленькие безвкусные таблеточки до конца своих дней. Без них я могу прожить месяц или два, но рано или поздно недостаток гормонов щитовидной железы скажется, и меня ждёт гипотиреоидная кома.

Выдёргиваю с корнем все ящики и, наконец, нахожу искомое лекарство. Выбираю упаковки с максимальной дозировкой в 125 миллиграмм и закидываю в ягдташ – всего шесть пачек. Если пить по полтаблетки в день, этого запаса мне хватит на три года. За это время мы либо найдём ещё одну аптеку, либо никакие аптеки нас уже не спасут.

Удовлетворённо застёгиваю ягдташ и выбираюсь из-за прилавка. Витос стоит, прислонившись спиной к стене, и жуёт аскорбинки.

– Хватай, – он протягивает мне белый пузырёк, – надо укр'еплять иммунитет.

В подставленную ладонь выпадает несколько жёлтых шариков. Подношу руку ко рту, но проглотить аскорбинки не успеваю – в эту секунду до нас доносится три коротких сигнала.

Тройной гудок от Вани – наш условный знак на случай появления незваных гостей.

17:20

С мачете в одной руке и набитым медикаментами ягдташем в другой вылетаю из аптеки. Витос за мной, в каждой руке по увесистому отцовскому топору. Пересекаем зелёный газон внутри кольцевой дороги и мчимся к тому месту, где Ваня припарковал свою «Октавию». Издалека вижу ещё одну машину, остановившуюся рядом. Серебристый «Ниссан». Приглядевшись внимательней, различаю номера.

Мой серебристый «Ниссан»...

17:25

Когда мы с Витосом, наконец, добегаем до машины, Женя, Арт и Михась уже окружили Ваню. Тот поочерёдно заключает каждого в объятия, и я, впервые за долгое время, вижу на лицах друзей улыбки. Скованные, напряжённые, но улыбки. Сам не замечаю, как уголки губ расползаются в разные стороны. Позади себя слышу приветственный возглас Витоса.

Первым жму руку брату, хлопаем друг друга по плечу и улыбаемся в тридцать два зуба. Михась и Арт набрасываются на меня одновременно, секунда – и я зажат между ними. Потом уже не замечаю, кого обнимаю, и кто обнимает меня – эйфория от процесса воссоединения захлёстывает нас с го-

ловой.

Наша команда снова в сборе. Все целы и невредимы. Что может быть лучше?

17:30

Когда эмоции стихают, Михась напускается на нас всеми перунами:

– Блин, где вы лазили? Мы уже поехали вас искать!

Они должны были выехать к «Супер-Арсеналу» через час после нашего отъезда, но, как и мы, пережидали дождь и последовавшее за ним нашествие «прокажённых». Я благодарю судьбу за то, что дождь уравнивал время нашего отправления, иначе мы бы ни за что здесь не встретились. А если бы разминулись, могли вообще никогда больше не встретиться.

Смотрю в салон «Ниссана» через окно. Пацаны собирались серьёзно: кухонные ножи, ещё один топор, бейсбольная бита и... вилы? Да, глаза меня не обманывают, из приоткрытого окна задней дверцы торчат наружу старые садовые вилы. Должно быть, это Женя – только ему в голову могла прийти идея взять их в поход. Ну, хоть бензопилу не прихватил, и на том спасибо.

– В аптеку заскочили, – объясняет Витос, кивая на ягдташ.

– Отлично! – улыбается Женя. – Красавчики, что зашли!

Страсть к лекарствам передалась ему от бабушки. Если бы мы не позаботились о медикаментах заранее, он погнал

бы нас в аптеку при первой же возможности.

– Афигеть! – Арт с восторгом разглядывает набитый оружием салон «Октавии». – Вы чо, весь магазин вынесли?

Женя с Михасем отмечают находку Арта победным кличем. Однако при упоминании магазина наши с Витосом и Ваном лица темнеют, от улыбок не остаётся и следа.

Это не ускользает от внимания брата.

– Что у вас там случилось? Рассказывайте! Вы под дождь попали?

– Попали, – отвечаю ему. – И не только под дождь.

Следующие пять минут Михась, Арт и Женя слушают мой краткий пересказ событий у «Супер-Арсенала», дополненный ремарками от Витоса и Ваном. Я выкладываю всё как на духу, умолчав лишь о полумёртвом парне в подсобке магазина, которому отказал в «последней милости», как называли это в старину. Возникшее между нами полуминутное откровение принадлежит лишь мне одному.

Когда я заканчиваю, повисает напряжённая тишина.

– Малой, ты как? – наконец обращается к Витосу Арт.

«Малым» Витоса трудно назвать, он уже давно не уступает брату ни в весе, ни в росте. Арт старше него на год, но сейчас, когда одному восемнадцать, а второму семнадцать, разница в возрасте почти стёрлась. Осталась лишь старая привычка.

– Нор'мально, – кивает тот.

Он лжёт – мы все это видим. Но кто сейчас хочет услышать правду?

– М-да... – Арт обводит взглядом окружающее пространство. Мне даже не надо стараться, чтобы отыскать парочку трупов, глаза сами натываются на них повсюду. – Мы действительно в зомби-апокалипсисе... До сих пор не верится! А вам?

Почти дружно качаем головами.

Что касается меня, последние сутки я пребываю во власти механизма психологической самозащиты. Кажется, в медицине это называют состоянием «отрицания» – так больной терминальной стадией рака реагирует на известие о своей скорой смерти. Он отказывается верить.

Так и я. Я верю своим ушам, верю своим глазам, верю своему носу («дождь пахнет рвотой, алкогольной рвотой»), но я не верю всей картинке в целом. В глубине души я надеюсь проснуться однажды в своей кровати и обнаружить, что всё произошедшее со мной – до чёртиков реалистичный дурной сон.

– Ну, ты, Ваню, мозг... – качает головой Арт. – Я б даже не додумался колеса им пробить.

Ваня деловито приосанивается. Несмотря на угрызения совести, он явно польщён.

– В жопу такие истории... – Женя опасливо оглядывается по сторонам. – Сожрали заживо, говорите?.. Ну-ка дайте мне ружьё!

– Не здесь, – отрезает Михась. – На базе разберёмся.

– Ну, а вы тут как? – обращаюсь к нему. – Дождик покапал

на нервы?

– У нас тоже не без сюрпризов.

– Серьёзно? Рассказывай.

– Приедем домой, покажем. А сейчас давайте-ка двигать отсюда.

17:40

Мы слышим призывный вой бабушки ещё на дороге. Заключённые в тюрьме приутихли, в отсутствии конкурентов её тонкий голосок разрезает тишину обезлюдившего района, как нож масло. Женя оставил её всего на двадцать минут, а она уже вопит так, словно собралась зазвать в гости всех «прокажённых» в округе. Что же будет, когда мы сообщим ей, что собираемся оставить её на несколько дней?

На пару с братом бросаемся в дом. Старуха в полуневменяемом состоянии сидит на диване в спальне и плачет навзрыд, совершенно не понимая, что происходит. Ей accompanies Дэн, жалобно поскуливая под столом на кухне. Нам требуется не меньше двадцати минут, чтобы успокоить её. В ход идут транквилизаторы и валерьянка.

Попутно осматриваю дом. Пацаны поработали на славу – все окна заколочены дюймовыми досками, на столе в кухне высятся ряды бутылок с питьевой водой, припасы сложены в холодильник. Компрессор не работает: электрические сети рухнули сразу за телефонными, но это лучше, чем оставлять

еду на съедение мышам.

Совершенно измотанные, возвращаемся во двор, где нас ждут остальные.

– Ну, что там? – спрашивает Михась. На вечно румяном лице тревога и сострадание.

– Вроде чуть уgomонилась, – отвечает Женя. – Ужас какой-то... – он с укором смотрит на меня: – Ну, и как ты собираешься оставить её одну? Она же помрёт к вечеру!

– Не помрёт, – отвечаю. – Поплачет, проголодается, и пойдёт есть.

Я не лукавлю: воли к жизни в моей бабке побольше чем у некоторых молодых. Врачи её столько раз хоронили, а она ничего, живёт.

Пока мы препираемся, Ваня с Артом заканчивают переносить наши трофеи из «Октавии» во двор.

Производим инвентаризацию. Начинаем, конечно, со стрелкового оружия. У нас джек-пот: пара помповых «Ремингтонов 870», пара помповых «Моссбергов 500», два карабина «Сайга 12», и ещё четыре «Ижа» – пара 12-х и пара 27-х. Все модификации рассчитаны на 12-й калибр, коробки с боеприпасами битком набиты в садок. Есть все варианты: пулевые, дробовые, картечь. Да, и вдобавок арбалет «Мангуст» российского производства, если верить надписи на цеvье. В кивере для стрел четыре углепластиковые стрелы.

Ну, и остальное по мелочам: десять охотничьих ножей с фиксированным клинком разной длины, с полдюжины кап-

канов на мелкую дичь, две газовые плиты и упаковка баллончиков к ним, два мотка хорошей альпинистской верёвки, две трёхместные палатки, два походных рюкзака, с десятков фляжек и фонариков, пара раций с упаковкой батареек, а также полный ягдташ медикаментов. Рыболовные снасти мы не брали – у моего отца в сарае столько, что хватит укомплектовать командный рыболовный марафон.

В самом конце мы достаём свёртки с дождевыми плащами.

– А это ещё зачем? – хмурится Женя, и вдруг прозревает: – А, понял! Туплю...

Оглядывая сваленные в кучу на столе сокровища, мы радуемся, как дети. Наличие огнестрельного оружия мгновенно возносит нас на вершину пищевой цепи, делая самыми опасными хищниками в урбанистических джунглях.

Осталось только научиться всем этим пользоваться.

– Кто-нибудь умеет стрелять? – задаю вопрос.

Лес рук.

Ага, ясно. Значит, никто.

– Окей. А перезаряжать?

Желающих продемонстрировать свой талант значительно меньше. Это тебе не на спусковой крючок давить. Мы – одомашненные хищники, не привыкшие к суровым будням дикой природы.

– Да чо там делать! – выступает вперёд Ваня, выплёвывая сигарету. – Дайте сюда!

– Ваню, погодь, – осаживает его Михась. – Ты у нас, конечно, Рембо, но тут всем надо попрактиковаться. И, кстати, у нас есть неплохая возможность. Больше скажу: у нас есть мишень.

Я недоуменно вскидываю брови:

– Мишень?

Михась, Арт и Женя заговорщически переглядываются.

– Помните сюрприз, о котором говорил Михась? – спрашивает Женя.

– Ну! – хором отвечаем с Виталиком.

Ваня утвердительно машет головой.

– Пойдёмте, – кивает Михась. – Это надо видеть.

18:10

«Прокажённый» привязан к забору за сараем по рукам и ногам. Толстый слой белой капроновой нити, которую мы с братом используем при сборке карнизов для жалюзи, намертво фиксирует запястья и лодыжки к сетке забора. Как и на всех «прокажённых», на твари нет одежды. Тело худощавое, угловатое, сплошь покрыто синяками и ссадинами. С удивлением понимаю, что это мальчишка, лет десяти-двенадцати. Глаза и нос выдают в нем ребёнка, хотя зрачки сужены, а ноздри раздуваются в бешеных попытках всосать в лёгкие весь окружающий воздух. Дыхание «прокажённых» в два раза чаще обычного, сердцебиение, если следовать ло-

гике, в четыре. На месте рта мальчишки – кровавая каверна, в которую он превратил свои изжёванные губы.

У нас с Ваней вырывается вздох удивления. Витос смотрит на «прокажённого», широко открыв рот.

При виде нас зверёныш выходит из оцепенения, в котором пребывал, и принимается раскачивать сетку рабицы, издавая при этом жутки горловые звуки. В кровавой каше изуродованного рта мелькают белые зубы.

– Это Джон его поймал, – извещает Михась.

Мы поражены ещё больше.

– Да, – мой брат напускает на себя безразличный вид, – случайно. После дождя эти твари повылазили отовсюду, как черви. Когда прояснилось, я пошёл осматривать периметр. Слышу, за сараем бьётся кто-то, и шипит. Смотрю – эта тварь ногой в заборе застряла, а выбраться не может. По ходу, укрытие себе искала.

Только теперь я замечаю – левая нога отродья глубоко задела в сетке, искалеченная ступня кровоточит.

– Он меня не видел, прикиньте! – продолжает Женя. – У них на свету слепота какая-то... А у меня с собой только бита. Ну, я сзади подкрался, ударил по башке! Думал, убью, к чёрту. Но они пипец какие живучие! Не сдох, только отрубился. Потом пришёл Михась и предложил привязать к забору. Я-то сразу прикончить хотел, но он мне не дал.

Все смотрим на Михася.

– Ну, – пожимает плечами тот, – раз уж нам предстоит

иметь с ними дело, неплохо бы сначала изучить их слабые места, вам не кажется?

Изучить. Конечно же! Учёный, чтоб его...

– Вот они боятся света, это мы уже знаем. Что ещё?

«Прокажённый», словно поняв смысл сказанного, принимается биться ещё яростнее. Бесформенная пасть исторгает нечленораздельные звуки и брызги ядовитой слюны.

– Ща узнаем! – говорит Витос и вдруг убегает обратно во двор.

Через десять секунд он возвращается, держа в руках арбалет «Мангуст».

– Чо патроны тратить, – объясняет он, накладывая стрелу на тетиву.

Резонно. Стрела откроет слабые места не хуже пули.

Право первого выстрела предоставляется Жене.

Мой брат упирает приклад в предплечье, прицеливается. Стеклопластиковые плечи арбалета вздрагивают, спуская тетиву...

Стрела попадает зверёнышу точно в левое бедро. С неприятным мясным чмоканием наконечник входит в напряжённую плоть с внешней стороны и выходит из внутренней. Однако мальчишка рычит и извивается не больше обычного, точно и не почувствовала выстрела.

– А ну дай-ка мне, – Ваня забирает арбалет у Жени и перезаряжает.

Вторая стела попадает мальчишке в живот, чуть левее

пупка.

Ясно – Ваня целил в грудь.

Тело «прокажённого» вздрагивает, живот заливают кровью из раны. Но существо продолжает извиваться в путях, вовсе не собираясь падать в обморок от болевого шока, а тем более умирать.

Первая информация о «прокажённых» – твари почти нечувствительны к боли.

– Думаю, вирус воздействует на болевой центр мозга, – выносит вердикт Михась. – Отсюда и высокий болевой порог.

Но мы уже вошли во вкус. Нам плевать на научную сторону вопроса. В нас бушует злость, и её необходимо на ком-то сорвать.

Третий выстрел мой. Стрела вонзается твари в левую половину груди – посмотрим, как они дышат с кровью в лёгких.

Как оказалось, вполне себе неплохо дышат. Похоже, неизвестный штамм бешенства в «розовом дожде» вынуждает организм «прокажённого» работать на пределе, задействовать все резервы. Мальчишка продолжает хрипеть и брыкаться, но теперь вместе с заражённой слюной из его рта летят брызги крови.

– Теперь я, – Витос берёт арбалет и накладывает последнюю, четвертую стрелу.

Прицеливается...

В следующую секунду воздух сотрясает громоподобный

выстрел, и голова мальчишки исчезает в багряном мареве.

18:30

От неожиданности мы подпрыгиваем на месте. В ушах звенит. Я вижу, как тело мальчишки расслабляется и повисает на сетке забора. На его груди кровавый фартук из осколков черепа и кусочков мозга, а выше плеч – ничего.

Требуется несколько секунд, чтобы понять, что произошло...

Потом я замечаю в узком проходе, отделяющем задний двор от остального участка, Артёма. В руках моего друга дробовик «Ремингтона».

– Башка, – говорит он, и выражение, которое принимает его лицо, заставляет кожу на моей спине пойти мурашками. – Башка у них самое слабое место. Надо стрелять прямо в башку.

18:50

Мы собираемся очень быстро – двадцать минут, и «Ниссан» с «Октавией» полностью укомплектованы. Багажники едва захлопываются: провиант, вода, хозприпасы, амуниция и походные вещи, даже разделённые надвое, едва вмещаются в них. Оружие идёт в салон, за исключением нескольких «Ижей» и большей части колюще-режущего, которые также

отправляются в багажник. Топоры, вилы и прочий садовый инвентарь оставляем в сарае – мы теперь продвинутые хищники и должны держать марку. Я беру с собой только мачете. В последний момент Женя вспоминает о самом главном – паре обрезков шланга, с помощью которых можно сливать бензин из баков брошенных на дороге машин.

Объясняя бабушке, что пару дней ей придётся продержаться самой, слышу в свой адрес столько оскорблений, сколько не слышал за раз, пожалуй, ни от кого. Спокойно проглатываю все. Может ругать и ненавидеть меня сколько угодно – главное, чтобы кушать не забывала. Напоследок наказываю ей, если мы не вернёмся, и она начнёт голодать, отпустить Дэна. Его еда может понадобится ей самой, а псу нужно дать возможность выжить или умереть, пытаюсь.

Когда вопрос с бабушкой решён, Миша уводит меня в сторонку переговорить с глазу на глаз. Наше первое правительственное совещание.

– Уже почти семь, – напоминает он. – Через пару часов стемнеет. Может, стоит подождать до утра? С таким арсеналом мы легко сможем пережить ещё одну ночь.

Ему не надо говорить мне об этом. Последние два часа я только и делаю, что слежу за небом и солнцем.

– Мы – да, – отвечаю, – а твоя родня может и не продержаться. Моя, кстати, тоже.

Кладу ему руку на плечо.

– Ничего, если не успеем к темноте, найдём укрытие. Весь

город в нашем распоряжении. На этом месте свет клином не сошёлся. Михась, нам нужно уходить отсюда.

– Да, – чуть подумав, сумрачно соглашается тот. – Ты прав.

Возвращаемся к остальным. Я киваю Витосу, и тот раздаёт каждому по жёлтому свёртку.

– Все разворачиваем! – делаю объявление. – С этого момента, если только над головой у нас нет крыши, носим их днём и ночью. Крыша машины не считается.

Ворча, друзья распаковывают плащи и натягивают поверх одежды. Оглядываем друг друга – видок тот ещё...

Бабушка не выходит нас проводить. Её маленький бунт – её воля.

– Ну, что? – обращаюсь ко всем. – Присядем на дорожку? Теперь ко мне подходит Арт:

– Макс, на пару слов.

Мы отходим к воротам, и Арт вручает мне клочок бумаги.

– Слышь, я сейчас включу музыку, а ты прочти это вслух, ага?

– Что это?

– Да так, – сконфуженно отмахивает он, – просто прочти, окей?

– После выходки с дробашем я боюсь с тобой спорить. Ну, хорошо, давай.

Арт выскальзывает на улицу и садится в «Ниссан». Включает зажигание и выбирает на магнитоле нужную компози-

цию. Я возвращаюсь во двор.

– Секунду внимания! Я сейчас кое-что прочту, а вы послушайте. Только серьёзно, договорились?

На лицах друзей скорее любопытство, чем шутливость. Арт выкручивает громкость на полную и присоединяется к нам. Наш спальный район оглашается звуками музыки. Это «Mystikal – Mystikal Fever».

– Мы – люди жёлтых плащей, – читаю первую строчку, стараясь сдерживать улыбку. Глаз не поднимаю – и так знаю, что на лицах остальных то же самое. Проговариваю жёстче: – Мы – люди жёлтых плащей! Это – наша клятва. Повторяем все вместе.

Делаю паузу. Интересно, повторят они следующую фразу или нет?

– Мы будем безжалостны к свои врагам! Мы – люди жёлтых плащей!

Внятно за мной повторяет только Артём, остальные «жуют солому». Слышу чьё-то хихиканье.

– Мы не будем щадить ни людей, ни нелюдей! Мы – люди жёлтых плащей!

К нам присоединяется голос Михася. Славный пример.

– Мы никогда не сдадимся и никогда не сложим оружие. Мы – люди жёлтых плащей!

Теперь за мной повторяют все. Пока неуверенно, но с каждым новым словом их голоса крепнут.

– Кто пойдёт против нас, познает наш гнев. Милость нашу

познают только люди в жёлтых плащах. Мы – люди жёлтых плащей!

Хором:

– Мы – люди жёлтых плащей!

– Мы не спасатели человечества! Мы не герои! Мы делаем только то, что нужно для спасения людей в жёлтых плащах! Мы – люди жёлтых плащей!

– МЫ – ЛЮДИ ЖЁЛТЫХ ПЛАЩЕЙ.

Они кричат. Все вместе. Слышу, как Витос, сжав кулаки, тянет: «ПЛАЩ-Е-Е-ЕЙ!» В сочетании с музыкой эффект потрясающий. Руки покрываются гусиной кожей, грудь распирает. Но я продолжаю:

– В наши ряды можно вступить, из наших рядов нельзя выйти! Мы гостеприимны, но мы строги! Мы жестоки, но мы справедливы! Мы – люди жёлтых плащей!

– МЫ – ЛЮДИ ЖЁЛТЫХ ПЛАЩЕЙ!

– У нас своя правда! Горе тому, кто попадёт на наш суд! Счастье тому, кому мы вынесем приговор! Потому что в тот же день муки его закончатся! Мы – раковая опухоль наших врагов! МЫ – ЛЕКАРСТВО ОТ ИХ ЗАПОРОВ! И МЫ ДАДИМ ПРОСРАТЬСЯ ЛЮБОМУ, КТО ЗАХОЧЕТ НАС ОТВЕДАТЬ! МЫ – ЛЮДИ ЖЁЛТЫХ ПЛАЩЕЙ!!! – ору во всю глотку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.